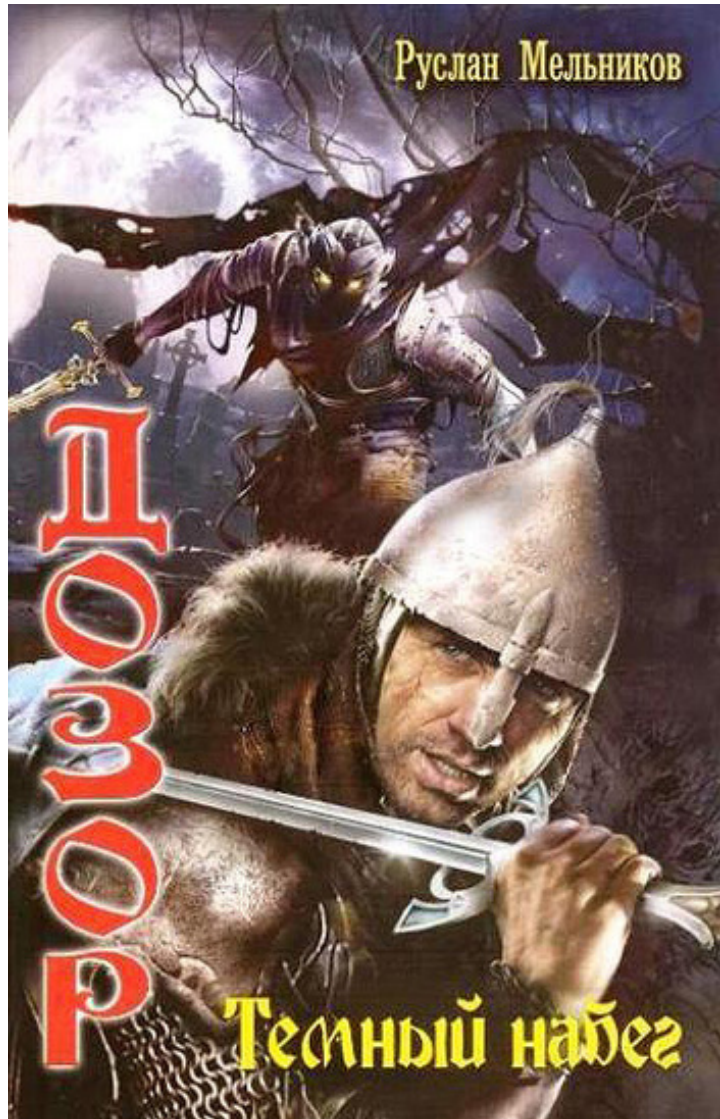

Руслан Мельников

Дозор

Темный набег

Руслан Мельников

Темный набег

Серия «Дозор», книга 2

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160268

Аннотация

Эрдейский край, проклятые Трансильванские земли. Взломанная рудная черта, порушенная граница миров. И – Набег. Бесчисленные полчища темных кровососущих тварей каждую ночь выходят из вод Мертвого озера.

Ненасытным упырям Шоломонарии противостоят только Серебряные Врата – тевтонский замок Сторожа, поставленный в угорских владениях. Со стен крепости яростные штурмы нечисти отбивают орденские рыцари мастера Бернгарда, прибывшие к ним на помощь русские дружинники воеводы Всеволода и татарские стрелки юзбаши Сагаалая. Однако не все ладно в самой Стороже. Среди гарнизона ходят слухи о таинственном замковом упыре-нахтцере. И это, похоже, еще не самое страшное...

Книга публикуется в новой редакции.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	38
Глава 6	48
Глава 7	55
Глава 8	63
Глава 9	72
Глава 10	80
Глава 11	88
Глава 12	97
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Руслан Мельников

Темный набег

Глава 1

Они сидели друг против друга в тесной монашеской келье. Молчали...

Всеволод сам выбрал келью понадежнее. Окошко здесь махонькое: ни волкодлак, ни человек наружу не выберется. Дверь крепкая, замок надежный, запираемый с двух сторон. И ключ от замка нашелся: висел на гвоздике, вбитом в прочный деревянный косяк. Бросили прежние хозяева ключик-то. Без надобности он им оказался.

Раньше здесь уединялись монахи для спокойного молитвословия и краткого отдыха. Теперь уединение требовалось для другого.

Как только чернила ночи пролились на закатный костер, изрядно притушив багровые отсветы на горизонте, Всеволод запер келью. Теперь они с Эржебетт – по эту сторону двери, а весь прочий мир остался по другую. Тяжелый ключ Всеволод повесил на пояс. Так оно лучше будет. Так без его ведома Эржебетт келью не покинет. Да и сам Всеволод уходить отсюда пока не собирался.

Дружинникам было позволено беспокоить его лишь в

одном случае: если под монастырскими стенами появится нечисть, и если дело дойдет до битвы. Тогда со звонницы грянет колокол. И только тогда Всеволод отопрет дверь. Для того, чтобы выйдя, сразу запереть ее снова. Снаружи.

Если твари попрут в атаку, придется оставить Эржебетт под замком одну, тут уж ничего не поделаешь. Пережить штурм в монашеской келье воеводе никак не гоже, но до тех пор...

Впрочем, до тех пор все должно разрешиться.

Нечисть не полезет к людям, пока на небе багровеют последние отблески заката. А после заката... Тоже ведь нужно время. Пока еще упыри повыбираются из дневных убежищ и лежек (а вблизи монастыря укромных мест, которые подошли бы темным тварям, вроде бы, не наблюдается), пока подступят к монастырским стенам... К тому времени час зверя, первый час тьмы, которому не в силах противиться ни один волкодлак, уже минует.

И Эржебетт к тому времени либо оборотится, либо нет.

И все с ней станет ясно.

Закат угасал стремительно. Скучный свет почти не попал в махонькое окошко. Тьма в келье сгущалась. В воздухе висела гнетущая тишина.

Всеволод молча расставил на голом каменном полу толстые свечи – восковые и сальные, вынутые из ящиков под узким и жестким монашеским ложем. Не торопясь, запалил каждую. Свечей в келье было много – целая охапка, так что

жалеть их ни к чему.

Замерцали огоньки. Один, второй, третий...

Огонь сейчас требовался не для согрева и уж, конечно, не для того, чтобы обезопасить себя: от волкодлака следовало отгораживаться костром побольше – во всю келью. Но тогда обоим верная смерть – изжарятся заживо. Свет Всеволоду тоже был не очень-то и нужен: тренированные глаза лучшего воина Сторожи хорошо видели во мраке.

Как, впрочем, и глаза оборотня.

Если в келье все-таки есть оборотень.

Но вот если Эржебетт – не проклятая тварь темного обиталища, надевшая человеческую личину, то огонь необходим. Ей – прежде всего. Если Эржебетт – это всего лишь Эржебетт, пусть темнота не пугает девчонку.

И еще... Говорить сейчас трудно. Да и не понимает Эржебетт его речи. А огонь – штука такая. Особенная. Огонь позволяет общаться без слов. Достаточно просто быть вместе и смотреть друг на друга через пляшущие язычки пламени.

Когда горит огонь, быть вместе с тем, кого не знаешь до конца – легче и спокойнее.

И ждать неизвестного с огнем – проще и... И уютнее, что ли.

Всеволод молчал и смотрел. На горящие свечи, на юницу за свечами...

Ну что, Эржебетт, давай подождем послезакатного часа? Давай посмотрим, кто ты есть на самом деле. Давай докажем

недоверчивому тевтону и прочим, что опасаться тебя не надо. Только и ты уж, будь добра, в зверя не обращайся.

Иначе.

Тебя.

Придется.

Убить.

Всеволод не шевелился. Его глаза, не отрываясь, смотрели на девушку и два обнаженных клинка с серебряной отделкой были направлены в ее сторону. Эржебетт чуть всхлипывала.

Придется... убить...

– Ты того... не обижайся, – наконец, выдавил из себя Всеволод. – Пойми, голуба, должен я тебя постеречь. Сейчас – должен. Эту ночь. Чтобы потом, чтобы после...

Сбился. Разозлился. Ну, какой она волкодлак, в самом-то деле! А каким он, собственно, должен быть? До наступления ночи – каким? О степной ведьме-половчанке, которая по ту сторону Карпат загрызла его дружинников, тоже ведь ничего такого не подумаешь. Пока не набросится. Всеволод вздохнул. Скорей бы уж этот треклятый час зверя проходил, что ли. Скорей бы уж или так, или этак. Все лучше, чем мучаться неизвестностью.

Эржебетт, разумеется, ничего не ответила, не попыталась даже. Лишь заглядывала в глаза, да часто-часто кивала. И бормотала что-то невнятное, нечленораздельное.

Эх ты, блажная-немая!

По девичьему лицу текли слезы.

Плакали горящие свечи.

Всеволод еще что-то говорил – много и без особой нужды, по-русски, успокаивая то ли ее, то ли себя. Непонятные для угорской девчонки слова и незримые свечные дымки уносились в узкое оконце кельи. Снаружи было темно и тихо.

Всеволод не отводил взгляда от испуганной отроковицы и не выпускал оружия из рук.

Должен постеречь. Этот час этой ночи – должен... А лучше – до утра. Чтоб уж наверняка, чтоб уж точно, чтоб никаких сомнений.

Свечи текли. Огоньки мерцали, бросая блики и тени на лицо напротив.

Лицо хлопало длиннющими ресницами.

Всеволод смотрел. И в напряженной сосредоточенности явственно видел теперь то, чего не заметил раньше. О чем смутно догадывался, но толком пока не разглядел. Теперь же было и время, и возможность. Вдосталь и того, и другого было, чтобы спокойно рассмотреть девчонку во всей...

Красе?

Именно так...

Ан нет, вовсе не дурнушка она, – вдруг отчетливо подумалось Всеволоду. Мысль эта – странная, неожиданная, будто вложенная извне, сразу потянула за собой другие мысли.

Она не то что не дурнушка, она была весьма даже привлекательна, эта Эржебетт. Особой, нераспустившейся, не раскрывшейся еще до конца непорочной миловидностью.

Неловкой, неиспорченной, наивной. Не зрелой женской красотой, а красотой юницы только-только формирующейся, но уже способной очаровывать. Скрытой такой, потаенной красотой, что не сразу и не каждому дано постичь. Но уж если дано – даже под мешковатой мужской одеждой – увидишь и не ошибешься.

Впрочем, в ночи, при огнях, особенно при таких слабых, что пляшут на кончиках свечей, скрадывая недостатки и подчеркивая достоинства, наверное, любая молодка покажется красой-девицей. Или все же не любая?

Всеволод уже не смотрел, а откровенно любовался. Пушистыми ресницами, огромными глазами, отражающими свечные блики... Темно-зеленые, кажись, глаза-то. Черно-зеленые даже. А прежде не обращал внимания как-то. Да, красива, девка. Особенно эти глаза...

Красива... А не потому ли он с самого начала так рьяно встал на ее защиту?

Огоньки мерцали. Ожившие тени скользили по лицу девушки, рисуя причудливые образы.

Время шло. И его прошло уже немало, когда...

Миг!

Момент!

Мгновение!

Было мгновение, когда Всеволод вдруг с ужасом осознал – вот оно! Начинается! Обращение! Стремительное, невообразимое...

Глаза на миловидном почти детском девичьем личике еще смаргивают влагу, а пухлые чувственные губки уже раздвигаются и изгибаются в чудовищном оскале. А все потому, что за устами Эржебетт теперь не ровные белые зубки, а звериные клыки! Клыки топорщатся, растут, не помещаясь во рту.

Длинные рыжие локоны укорачиваются, темнеют. Грубеет кожа. Нежные щеки, на которых еще поблескивают дорожки от слез, покрываются жесткой шерстью. Лицо искажается, вытягивается, заостряется. По собачьи. По волчьи...

Бездонная зелень глаз обретает ядовитый оттенок, начинает светиться болотными огоньками.

А Всеволод все смотрит в это лицо, в эту морду, в этот оскал, в эти горящие глаза. Смотрит ошеломленный, пораженный, зачарованный, не веря, не в силах пошевелиться, не чувствуя ног и рук, не ощущая мечей в ладонях.

Прав! Все-таки Конрад – прав! А сам он – ошибся! Страшно ошибся! Если Эржебетт сейчас же, сию минуту, не снести голову посеребренной сталью... Если не исправить роковую ошибку...

«Тва-а-арь!»

Он заорал – дико и жутко. Приказывая телу повиноваться, рукам – наносить удары, а булату с серебром – рубить, рубить, рубить подлую...

«Тва-а-арь!»

Глава 2

Изо рта вырвался лишь слабый хрип. Пальцы будто увязли в густом меду, не желая сжимать рукоятки мечей. Рукам не доставало силы поднять клинки.

Неужто, обманули?! Околдовали?!

Конец?! Неужто?!

«Тва-а...»

В бессильной ярости, в безнадежном отчаянии Всеволод вновь попытался совладать с собственным телом. Тело неловко дернулось. Кулем повалилось набок.

Всеволод едва не уткнулся лицом в горящие свечи.

И – очнулся. Пришел в себя...

– ...а-арь!

...от своего же выкрика.

Дыхание – жадное, шумное. Всеволод чувствовал себя рыбой, выброшенной на берег и часто-часто заглатывал воздух, пропахший свечным воском и салом.

Сердце – бешенное. Коло – тух-тух-тух-тух-тух! – тилось, как копыта коня, скачущего во весь опор.

Задремал! Уснул! Разморенный теплом и покоем, убаюканный трепещущими огоньками, очарованный колдовской игрой теней.

За оплывшим свечным частоколом все также сидит и испуганно хлопает глазищами Эржебетт. Прежняя, несколько

не изменившаяся. Девушка чуть подрагивала от страха. Да не чуть – сильно. Она дрожала всем телом. Крупной дрожью.

А ведь волкодлак, если уже он начал обращаться, назад так просто не перекинется. Значит, действительно...

Задремал... Уснул... Не мудрено. Долгие переходы, тревожные бессонные ночи, уставшее тело, утомленный разум. Но сколько времени он был беззащитен перед оборотнем? Тьфу ты! Да какой там оборотень! Откуда?! Нет никакого оборотня. Пока нет, по крайней мере. Пока – только Эржебетт. И ничего иного. Пока...

Всеволод тряхнул головой, отгоняя морок.

Просто задремал, уснул. И кричал во сне. Просто привиделось что-то жуткое.

Но сейчас-то наваждение отступило. Исчезло.

– Как долго я спал, Эржебетт?

И снова в ответ лишь доверчиво распахнутая темная зелень глаз и молчаливое хлопанье ресниц. «Ну да, конечно, – не понимает по-русски, – вспомнил Всеволод. – А если бы и понимала – сказать-то все равно ничего не может».

Интересно, миновал ли уже послезакатный час или страшный сон длился считанные минуты? Или даже секунды? Сколько времени он проспал? Всеволод прислушался. Снаружи – тихо. На звоннице дозорные не бьют тревогу, не доносятся с монастырского подворья шум битвы, не кричат люди и не завывает упыриное отродье.

А здесь, в тесной монашеской келье по-прежнему сидят

друг против друга двое. Сидят и все еще ждут чего-то. Человек с двумя мечами. Опытный воин обученный сражаться с порождением темного обиталища. И еще... Кто-то... Дрожащая девица. Тоже – человек. Наверное... Скорее всего...

Эржебетт вела себя как человек. Как обычная перепуганная вусмерть девчонка. Разве что не плакала больше: дорожки слез на щеках уже высохли.

Но час зверя? Истек? Или рано еще? Всеволод многое отдал бы, чтобы выяснить это наверняка. Сейчас, сразу.

Он глянул в окно. Темно. Тучи. Ни луны, ни звезд не видеть. Глянул на свечи. Тоже – трудно понять. Всеволод не знал, как быстро горят эти монастырские свечи, но сгорели они основательно. Восковых слез натекло на камень изрядно.

Натекло... Истек?...

Наверное ж, истек вместе с ними и роковой час. А не весь – так большая его половина. А если что и оставалось еще – то, может, самая малость.

Эржебетт шевельнулась.

Простонала – вопросительно. Просительно.

– А-а-а?

Страшно, ей должно быть. Еще бы не страшно! Щемящая жалость к беззащитной, бессловесной, без роду – без племени юнице вдруг сжала грудь Всеволода. Сжала, скрутила, да так, что...

– Не нужно бояться, – стараясь, чтоб голос звучал ласково

и успокаивающе, проговорил он. – Ничего не нужно бояться!

Поняла? Нет?

Сказанных слов – нет. Их смысл – да.

Уста Эржебетт дрогнули. Девушка улыбнулась – самыми уголками рта. Всклипнула. Да, снова плачет...

Сдвинулась с места. Не отводя от Всеволода молящих глаз, поползла к нему на четвереньках. Плакала и ползла. Обползала одни свечи, валила другие.

Волкодлак преодолел бы это расстояние в один прыжок. В полпрыжка. А она все ползла. Как рабыня к ложу господина. Как собака к сапогу хозяина.

Эржебетт тронула его ноги.

Придвинулась. Ближе.

Еще ближе.

– А-а-а? – все с той же мольбой в голосе.

Молит о защите, покровительстве и благосклонности? Ох, до чего же жутко ей сейчас! До чего же сильно должна пугать ночь бедняжку, пережившую встречу с волкодлаком и чудом спасающуюся от упыринного воинства.

– Ты в безопасности, Эржебетт, – уверял Всеволод.

Если не вздумаешь обращаться в нечисть...

– Самое страшное – позади, – говорил он ей.

Если уже ушел в небытие послезакатный час.

– И все будет хорошо, – обещал Всеволод.

Если они доживут до утра. Оба, а не один из двоих.

– Все скоро кончится, – пророчествовал он.

Так кончится или иначе. Но – должно закончиться.

И – скорей бы!

А еще...

«Красива! До чего же она все-таки красива!» – опять не отпускала его такая навязчивая и такая неуместная в сложившихся обстоятельствах мысль. Или наоборот – вполне естественная мысль?

«И ведь не просто красива – а красива особой, пробуждающей дикую страсть, манящей, влекущей... жуть, как влекущей красотой».

Хотелось поступить с ней так, как испокон веков поступает мужчина с женщиной. Как господин с наложницей.

А Эржебетт всхлипывала и жалась к Всеволоду. Искала защиты, опоры, спасения. И дрожала, дрожала. От ужаса? Или... или уже нет?

– А-а-а?

– Ну, что с тобой, милая?!

Всеволод приобнял ее. Не отпуская мечей.

Странные то были объятия. С этими дурацкими мечами Всеволод чувствовал себя сейчас до крайней степени глупо и неловко. Зачем он вообще их вытащил, эти серебрёные клинки? Зачем до сих пор держал перед собой и ею? Между собой и ею?

Эржебетт будто и не замечала обнаженного оружия. Она прижималась к нему, дрожала. Сильнее...

Успокоить! Как ее успокоить?

А как успокоить себя? Свою плоть? Которая жаждет только одного – греховного и бесчестного по отношению к этой слабой беззащитной девчонке.

Бьющееся в руках тело, хлюпающий нос, уткнувшийся в серебрянную пластину наплечника.

– Все хорошо, Эржебетт, слышишь? – бормотал Всеволод. – Все хо-ро-шо.

Что можно сказать еще, он не знал.

Эржебетт кивала. Она улыбалась ему. Счастливой и в то же время такой жалкой улыбкой. Снизу вверх на Всеволода смотрели глаза, полные слез и благодарности. Тонкие девичьи руки отводили сталь обнаженных клинков. Она уже поняла или почувствовала, что мечи с серебряной насечкой ей больше не угрожают. Однако Эржебетт не отпускала Всеволода, не отползала. Наоборот – сейчас она цеплялась за него еще крепче, еще сильнее.

– Что? Что ты делаешь?

Она его целовала. Извивалась змеей – перед ним, на нем, подле него, под ним и осыпала поцелуями... Лобызала губы и глаза. Посеребренные шлем и брони, к которым без большой нужды не прикоснется ни одна нечисть. Руки, ноги. Даже мечи целовала, выплескивая в этих поцелуях все свое «спасибо», всю благодарность, неведомо за что. Словно он и не сторожил ее этой ночью с обнаженным оружием в руках. Словно не сторожил, а охранял.

Однако только поцелуями дело не ограничилось.

Упал и звякнул о каменный пол монашеской кельи шлем Всеволода. А руки Эржебетт уже рыскали торопливыми ящерками по доспехам, ища застёжки, ремни...

– Эржебетт, – прохрипел Всеволод.

А самому сдерживаться уже нет сил. Почти – нет.

– А-а! А-а! – теперь в голосе отроковицы не слышно мольбы и просьбы. Теперь в нем – мягкая нежная настойчивость. И рвущаяся наружу страсть.

И чуть приоткрыты чувственные губы. И в бездонных затягивающих зеленых глазах – томная поволока.

Но... ведь...

– Сейчас не время, – не очень уверенно пробормотал Всеволод. – И монастырь – не место...

Пусть даже латинянский монастырь. Зачем осквернять? Хотя с другой стороны... Монастырь ведь уже осквернен упыриным воинством.

– А-а! А-а! – это уже стон. Нетерпеливый, жаждущий.

Эржебетт часто-часто кивала. Время... Место... Что ж, может быть, иного времени и места у них не будет. Так зачем же противиться древнему изначальному зову? Он же не насильничал. Он не воспользовался. Не обманул. Тогда – зачем? А незачем! Нет никаких причин себя сдерживать.

Рыжие волосы разметались по серебрённым пластинам доспеха, запутались в кольцах брони. Безумная красота пробуждала безумное желание. Эржебетт была нема, но слов сейчас и не требовалось.

Всеволод отложил мечи. Под робкими и, в то же время, страстными объятиями, под настойчивыми ласками расстегнул и сбросил доспехи.

И вот тут-то Эржебетт оборотилась. Теперь уже не во сне – наяву. По-настоящему. Из несмышленной юницы – в любово-обильную деву. И оба они – воин, приехавший в чужие края оборонять от нечисти чужую Сторожу, и немая отроковица, так и не ставшая в эту ночь нечистой, утонули в страсти.

Без остатка.

До рассвета.

До полного беспамятства.

Из дикого безумства нерастраченного за долгие годы воздержания и неожиданно прорвавшегося любовного пыла Всеволод вынырнул не сразу и не вдруг. Очнулся опустошенный, обессиленный, исполненный сладкой истомы и смутных, неясных, но щемящее-приятных воспоминаний об уходящей ночи.

В его объятиях, тесно прижавшись к нему своим юным гибким и упругим телом, лежала притихшая, спокойная, умиротворенная и обнаженная Эржебетт. Угорская дева, переставшая отныне быть девой, походила сейчас на сонную, сытую кошку. Эржебетт блаженно улыбалась и, казалось, вот-вот замурчит.

Под ними было узкое монашеское ложе, ставшее в эту ночь ложем любви и едва вместившее мужчину и женщину, укрытых одним походным плащом. Впрочем, одним лишь

ложем они не ограничивались: по келье валялись опрокинутые и погасшие свечи.

«Эк, покувыркались!» – в изумлении подумал Всеволод.

Ночь прошла спокойно. Упыри к монастырю так и не подступили. Колокол молчал. Дружинники не тревожили воеводу.

Наутро Конрад больше не убеждал Всеволода оставить Эржебетт. Глянув на лица русского воеводы и безвестной найденки, ставших любовниками, тевтон лишь неодобрительно покачал головой и сухо процедил сквозь зубы:

– Тебе говорить с магистром, русич...

– Поговорим, – бодро отозвался Всеволод.

И приказал:

– Выступаем.

До орденской Сторожи оставался один переход. Последний. Дневной. Безопасный.

Глава 3

Тевтонский замок – огромный, мрачный и величественный, возведенный из глыб темного базальта – занимал место, словно специально созданное для строительства укрепленного форпоста. Этот замок был гораздо больше прочих встречавшихся им на пути эрдейских цитаделей и походил, скорее, на невеликий, но хорошо укрепленный город.

На черный город. На черную крепость. Кастрлягро...

– Ну, прямо не Сторожа-Харагуул, а логово Эрлик-хана, – пробормотал Сагаадай.

– Чье логово? – рассеянно спросил Всеволод, не расслышавший реплику степняка.

– Вы, урусы, называете его Черным Князем...

Зильбернен Тор запирал тесную горловину, на дне которой громоздились многочисленные каменные завалы. Это труднопроходимое ущелье соединяло холмистую, густо поросшую дремучими лесами долину, что вела в земли Семиградья, с обширным горным плато на дальней возвышенности.

Неприступные островерхие хребты, будто неровный зубчатый тын, опоясывали все плато. Отвесные обледеневшие, теряющиеся в туманной мгле, зубья скал, казалось, вздымаются до самых небес. Лишь со стороны ущелья-горловины в сплошной скальной стене имелся широкий проход, через

который еще издали – с холмов, что повыше, и с обрывистых горных круч, человеку, обладающему хорошим зрением, можно было разглядеть, что сокрыто в каменном котле.

Всеволод на зрение не жаловался...

Стиснутая скалами, ровная, как доска и совершенно безжизненная – ни дерева, ни кустика, ни травинки – горная равнина по ту сторону ущелья являла собой унылое зрелище. Каменная пустошь – одно слово. Глаз цеплялся лишь за озеро овальной формы, поблескивавшее в самом центре плато.

– Мертвое озеро, – коротко бросил Конрад.

Мертвое... Озерная гладь холодно отражала солнечные лучи, и, судя по отсутствию растительности у берегов, вода эта, действительно, не давала жизни и не питала корни. А о том, что таилось в темных глубинах, не хотелось даже думать.

Всеволод вновь перевел взгляд на орденскую крепость, поставленную в угорских землях. Замок возвышался аккуратно на выходе из горловины. Тевтонская цитадель венчала собой скалистую гору с плоской от природы или стесанной начисто трудами человека верхушкой. Тупой выступ этот, подобно стершемуся гигантскому зубу, торчал весьма удачно, и крепость на его вершине могла успешно прикрывать путь в озерный дол. Или, наоборот – дорого от озера.

Привстав на стремянах, Всеволод оглянулся назад.

Вообще-то в этих местах располагался не один только за-

мок. По пути им попадались многочисленные предместья и деревеньки. Но в пустующих селениях и на заброшенных клочках отвоеванной у леса и некогда любовно возделываемой земли вооруженному отряду не встречался пока ни один человек. Да что там человек! В окрестных лесах не было слышно птиц и отсутствовали звериные следы.

Никаких признаков жизни! Нигде в округе! Только над стенами орденской Сторожи поднимается слабый дымок. Да под стенами можно различить едва заметное копошение. Значит, вся жизнь сосредоточена в крепости. Что ж, по крайней мере, Серебряные Врата еще не пали под натиском нечисти. Уже неплохо.

Подъехали ближе. Рассмотрели больше.

Слева, почти к самому замку подступал отвесный обрыв. Скалу здесь будто ножом срезали. На дне пропасти темнела странная бесформенная куча. Даже не куча – этакая гора под горой. Похоже, из цитадели что-то сбрасывали вниз и при этом в огромных количествах. Но вот что?

Еще внизу, в стороне... далеко в стороне... Ага, это, видимо, кладбище. Точно... И на погосте – свежие могилки. Интересно, кто в них лежит? Тевтоны, павшие в боях с нечистью? Наверное. Кому ж еще там быть-то?

С правой стороны, где склон замковой горы был достаточно пологим, вверх, к крепости, вилась змейкой дорога. По такой можно быстро загнать за стены и скот, и тележный обоз. И укрыться от внезапного нападения. И обрушится сверху в

неожиданной вылазке – тоже можно.

Но вот что сразу бросилось в глаза: цитадель была защищена не от людей. Не только от людей. Или нет, не так... Не от людей в первую очередь. Об этом свидетельствовали колья и рогатки выставленные уже у самого подножия замковой горы и густо щетинившиеся дальше – по всей возвышенности.

Всеволод специально свернул с дороги – проверить. Так и есть: заостренные бревна, палки, жерди и сучковатые ветки – все из осины. О предназначении первой линии обороны гадать не приходится. Разбить, расчленить, развалить сплошной вал атакующих, запутать, отвести, отклонить от самых удобных подступов, задержать, приостановить штурм хоть ненадолго – в этом ее главная задача.

Люди вообще-то редко идут на штурм хорошо укрепленной крепости вот так, стеной. Люди обычно выбирают легкие пути и уязвимые участки. А нечисть... Всеволод вспомнил оборону крепостных ворот Сибиу. Нечисть – идет. Стеной. Сплошной.

Ехали дальше. Поднимались по замковой горе выше.

Всеволод обратил внимание на частые пятна копоты. За обочинами – на камнях, в проходах между защитными рогатками. И прямо под ногами – на дороге. Костры тут жгли, что ли?

Разномастные преграды, сбитые, связанные, сложенные и сплетенные из осины-дерева впережку с копотными пят-

нами тянулись до следующего укрепленного рубежа – до тына из осиновых же кольев.

Частокол был не маленький. Высотой этак в полтора-два человеческих роста, а кое-где и поболее будет. Толстые заостренные бревна врыты глубоко в землю, привалены камнями и торчат под небольшим уклоном, нависая над головой. Колья – исцарапаны, искромсаны и будто насквозь пропитаны отвратительнейшим смрадом.

Знакомый запах. Так воняетдохлая нечисть и упыриная кровь.

Крепкие ворота тына (опять-таки – грубо струганная осина с несколькими дощатыми заплатами) под двускатной крышей – перекошены, выщерблены, приоткрыты. Будто вдавлены внутрь. Неподалеку от ворот зияет широкий пролом. Здесь и вовсе бревна выворочены, раздвинуты и переломаны, будто тонкие сухие хворостинки.

Угрюмые тевтонские кнехты с осунувшимися лицами и красными от недосыпа глазами – всего человек пять в легких посеребренных кольчужных рубашках и черных одеждах – латали брешь. Правили старые, а где уж нечего править – ставили новые колья. Еще один кнехт с большой плетеной корзиной бродил неподалеку, высматривая что-то под ногами.

Вот нашел. Остановился. Нагнулся. Подобрал.

Палка? Короткая, обломанная. Что-то блестит на конце. Свою находку кнехт сунул в корзину. Пошел дальше. «Стрелы ищет, – догадался Всеволод. – Те, что еще собрать не

успели».

Орденские кнехты их не окликнули и не остановили. Глянули исподлобья, узнали Конрада, поклонились издали, да продолжили работу. Каждый занимался своим делом, к которому был приставлен. И каждый торопился закончить его поскорее. Ничем другим саксы-работники не интересовались. Будто и не приближался к замку чужой отряд из более чем сотни вооруженных всадников. Хотя что такое сотня с небольшим пришлых воинов для обитателей неприступной твердыни, привыкших иметь дело кое с чем посерьезнее.

Всеволод все же повернул коня к молчаливым тевтонским служкам – поговорить, расспросить.

Не вышло. Конрад остановил:

– Не отвлекай людей, русич. Их работа важнее пустопорожных разговоров. Чем больше они успеют сделать днем, тем легче всем нам будет ночью, когда нахтцереры пойдут на штурм.

Что ж, наверное, Конраду виднее. Всеволод пожал плечами и направил коня к воротам тына. По пути между поваленными бревнами – там, где тень погуще – заметил черные маслянистые потеки. Упыриная кровь, еще не слизнутая солнцем... Вот откуда вонь.

Но как оказалось, причина крылась не только в этом.

Гоня перед собой смрадную волну, из-за частокола выползала повозка. Таковую не захочешь, а пропустишь. Всеволод посторонился. Придержали коней остальные.

Телега с высокими бортами проскрипела мимо. Рядом шагал, держа в руках вожжи, угрюмый возница в черной накидке, черным же и перепачканной.

В повозке места вознице не нашлось. Да и вряд ли у него была охота туда садиться. Там – мертвые, изрубленные и исколотые упыри, там – обожженная солнцем плоть нездешнего мира, там – чулком сползающая кожа и лопающиеся зловонные нарывы.

Длинные, неестественно длинные руки, уже истонченные и оплывшие в солнечных лучах, будто дохлые змеи невиданных размеров, свешивались через задний борт и волочились за повозкой. Обломанные, утратившие былую прочность когти бессильно загребали дорожную пыль. Из-под толстого дна – в щели между досок – обильно сочились мерзкое, вязкое и липкое. Частая капель дегтевого цвета отмечала путь повозки, дымилась на солнце и быстро истаивала. Жирные потеки испарялись буквально на глазах.

Старая измученная лошадь («Крестьянская кобылка, – отметил про себя Всеволод, – ей бы плуг по полю таскать, а не такое...») остановилась, косясь на всадников. Возница цыкнул, наподдал вожжами, понукая. Лошадь потянула зловонный груз дальше. Возница даже не взглянул на чужаков.

Повозка перевалила через обочину, съехала с дороги, подкатила к обрыву, подступавшему чуть ли под самый частокол. Остановилась на краю.

Кнехт сдернул крепление на правом борту, обращенном к

пропасти. Отступил в сторонку.

Дерево грянуло оземь. И в тот же миг по грубо сбитым щелястым грязным доскам, словно по сходням, из телеги поползло, покатилося, посыпалось... С полдюжины дохлых упырей соскользнули из общей кучи вниз. На край обрыва с хлюпаньем упали оплывшие, облезшие, размякшие от солнца потемневшие тела. Целые и не очень. Посыпались отрубленные безволосые головы в уродливых наростах и нарывах, отсеченные гибкие когтистые руки, почти человеческие ноги и вовсе уж бесформенные куски, вяло сочащиеся черной слизью, испаряющейся буквально на глазах.

Возница достал из повозки длинный шест с крюком на конце и продолжал свой нелегкий труд.

Толчок.

Первая мертвая тварь полетела в пропасть.

Что ж, теперь понятно, откуда взялся тот странный завал под замковой горой. Перебитых во время ночных штурмов упырей тевтоны попросту сбрасывают с обрыва в одну смердящую кучу. Чтобы подальше смердело. А то ведь закапывать всю эту пададь – рук не хватит. Пропать под орденской цитаделью, конечно, тоже не бездонная, но тут уж вся надежда на солнце. Светило этого мира должно растопить и расплавить плоть мира иного прежде, чем груда мертвых тел поднимется до уровня замка. Пока, как видно, солнышко худо-бедно справлялось. День основательно притрамбовывал то, что накапливалось в Серебряных Воротах за ночь.

Глава 4

– Здесь, наверху, сильный ветер, – объяснил Конрад. – Ветер уносит запах нечистой мертвечины.

Да, ветер поддувал. Но и от телеги с разворошенным грузом тоже тянуло изрядно. Вонь у края обрыва стояла такая...

– Будто тумен мангусов здесь полег, – поморщился Сагадай.

– Ничего, – успокоил татарского юзбаши Конрад. – Похоже, вниз сбрасывают последнюю партию.

– Ну и нечего пялиться, – отчего-то вдруг озлившись буркнул Всеволод. Впрочем, понятно отчего. Как-то не очень радушно встречала их Закатная Сторожа. Все заняты делом, а к гостям, получается, и выйти некому. Ладно, если хозяева не встречают на пороге с хлебом-солью, придется в чужой дом входить самим.

– Поехали дальше, – приказал Всеволод.

Кони вступили в покосившиеся ворота тына.

Сразу за частоколом обнаружился ров. Вырытый в земле, выбитый в скале и обложенный к тому же почерневшей глиной. Воды во рву не было. Да и зачем: вода и сама здесь не задержится и не задержит нечисть. Зато – полно пепла. Ветер развеивал остывшую золу, поднимал серовато-белые вихрики, норовя бросить горсть-другую в глаза.

Судя по всему, ночью во рву бушевал огонь. А теперь

здесь тоже трудятся безрадостные изможденные люди в черных одеждах, в повязках и капюшонах, прикрывающих лица и волосы от кружащей в воздухе невесомой пепельной пыли. Орденские служки чистили ров от золы и рассыпавшихся угольев, ровняли крутые края, намазывали новую глину взамен треснувшей и искрошившейся, укладывали сухой хворост, валежник, поленья и целые бревна. Готовили новый костер...

Эти тоже в разговоры вступать не спешили. Косились только. Кланялись между делом Конраду и работали, работали, работали без передыху. Что ж, после захода солнца их труд спасает жизни и окупается сторицей.

Возле рва стояли телеги, груженные дровами. В упряжи всхрапывали от забивавшего ноздри пепла кряжистые тяжеловозы с разбитыми бабками. Понятное дело: боевых коней на такие работы не отправляют.

Уставшие коняги терпеливо ждали, чуть покачивая попурыми головами и слабо обмахиваясь хвостами. Дрова, по всей видимости, доставляли сюда из лесов у подножия замкового взгорья. А нелегкая дорога туда-сюда, да вверх-вниз вымотает любую скотину.

По ту сторону рва высились замковые стены. Высокие, толстые, прочные, кое-где покрытые жирной копотью. Пятеро каменщиков – таких же мрачных и неразговорчивых кнехтов правили стены. Каменщики орудовали каменотесными молотками и большими плоскими черпаками для рас-

твора-замазки. Рядом стояла бадья с раствором.

Всеволод присмотрелся. Ах, вот оно что... Кнехты ставили на место, а где нужно – меняли на новые темные исцарапанные глыбы, выдранные из кладки. Не выбитые тараном или ядром камнеметного порока, а именно выдранные нечеловеческой силой и невообразимой крепости когтями. Особенно пострадала стена возле угловой башни. Там и кипела работа каменщиков.

Еще Всеволод обратил внимание на то, что пространство между стеной и рвом непривычно, неразумно большое. А может, как раз наоборот: именно так – и разумно. Видимо, все задумано с таким расчетом, чтобы от жара, идущего снизу, не потрескалась кладка. Вон – и утрамбованная, обложенная камнем насыпь на краю рва имеется. Вроде бы и вал, а вроде, и дополнительная защита крепости от огня.

По левую руку через ров перекинут широкий и массивный подъемный мост. Здесь ров подходил к стенам ближе, чем в других местах. И насыпь-вал здесь обрывается ровно на ширину моста.

Прямо за мостом – ворота с опущенными решетками. Да уж, воротца! Из-за частокола их было не рассмотреть, но сейчас...

Всеволод подумал, что тевтонская твердыня, как это ни странно, в полной мере соответствует обоим своим названиям. Кастленягро. Зильбернен Тор...

Если смотреть издали – ну, черный замок он и есть чер-

ный замок. Стены и башни сложены из темных базальтовых глыб, изрядно к тому же закопченных, так что цитадель резко выделяется на фоне далеких снежных вершин. Но вот если подъехать поближе, вплотную... Да, ворота здесь, действительно, серебряные. Среди сплошь темного камня это особенно сильно бросается в глаза.

То ли мост в поднятом положении надежно прикрывал воротную арку от дыма и копоти. То ли немцы регулярно чистят врата, чтобы в полной мере использовать против нечисти губительную силу белого металла. Так или иначе, но толстые – в руку – кованые прутья воротных решеток поблескивали сильнее, чем клинки Всеволода. Да, ошибиться невозможно: сталь с серебром. И серебра в той стали немало. Эх, была бы хоть одна такая решеточка у них в Сибиу!

Здесь их было целых две: одна на въезде в арку, вторая – на выезде. Обе – опущены. Мало того...

Через прутья внешней решетки видно: из стен и сводов воротной арки густо торчат посеребренные крюки и штыри, вмурованные в камень. Да и вымощен въезд в замок оч-чень хитро. Между ровными каменными плитами – частые отверстия. А в дырах тех неглубоко утоплены стальные колючки, и у каждой – по серебряной капле на конце. Видимо, где-то у привратной стражи имеется рычаг, который в случае опасности позволяет выдвинуть серебрянные зубья над камнем.

Ох, и неуютно будет упыриному отродью, даже если оно

прорвется сюда. Вот уж где земля поистине взгорит под ногами у нечисти!

Всеволод внимательнее присмотрелся к мосту, который поднимаясь, также становился частью ворот. Ну, конечно! В массивных, щедро смазанных дегтем звеньях цепей угадывалась насечка белого металла. И на толстых, оббитых железными полосами боках моста – вон – шляпки серебряных гвоздиков, да штыри с посеребрёнными остриями. Вне всякого сомнения, изрядная толика серебра имеется и на наружной поверхности, обращенной сейчас ко рву.

По опущенному мосту можно было беспрепятственно проехать к воротной арке. Ну, а дальше что? С решетками-то как быть? Они ведь обе опущены, даром, что снаружи трудятся кнехты. Даже днем тевтонские братья блюдут осторожность. Пуганные видать, битые...

Всеволод поднял глаза. Наверняка, их отряд давно заметили со стен. Не могли не заметить, но поднимать решетки стража не торопится. Однако и мост тоже опущен. Гостям словно дают понять: подождите, мол, дела неотложные. Как покончим с ними – займемся вами.

Ну-ну... Сначала зовут на помощь, а после...

Одно хорошо в этом неловком ожидании: можно не спеша рассмотреть грозную орденскую цитадель вблизи и во всех деталях.

Стены и надвратные башни крепости нависали над головой, подобно сказочному чудищу-великану, воздевшему для

удара каменные лапы. Боязно вообще-то было стоять под такими.

Сверху косо, под разными углами, на пришлых всадников смотрели частые бойницы. Что и кто за ними – не разглядишь, но из таких укрытий можно бить стрелой и на дальние дистанции, а можно поражать противника, приблизившегося вплотную, уже под самыми стенами. И копыта тоже метать можно. И варом шпарить и смолю жечь...

Судя по черным жирным полосам-потекам, хорошо различимым даже на закопченном базальте, защитники крепости, действительно, опрокинули вниз не один котел чего-то жгучего-горючего.

Но еще больше внимания привлекали стальные шипы под бойницами и каменными зубцами боевых площадок. Шипы торчали густо и грозно, образуя у верхней кромке стен, возле самых заборал непролазные заграждения. Они напоминали когтистые пальцы, выступавшие из кладки и загнутые вниз. Эти стальные когти, видимо, опоясывали поверху практически всю внешнюю стену. Причем – и Всеволод уже не ничуть тому не удивлялся – острия всаженных в камень колючек явственно поблескивали серебром.

Поневоле вспомнился простенький острог русской Сто-рожи, затерянный среди глухих лесов и топких болот между Черниговом и Брянском. Там тоже хранят границу обита-лищ, но ничего подобного там нет и в помине. Есть толь-ко добротный осиновый тын на валу с крепкими из осины

же выструганными воротами – вот и вся крепость. В русской Стороже больше привыкли надеяться на посеребренные клинки.

Тут же...

Камень с белым металлом тут.

Ох, богато живут тевтоны, если даже на стены серебро лепят. В свое время взяли, небось, немало дани с окрестных земель. И брали, видать, белым металлом. Или это не дань была, а плата за сторожную службу?

Замок не подавал признаков жизни. Стражи на стенах – не видно и не слышно. Только стучат топоры там, где молчаливые кнехты чинят пролом в частоколе, трещит укладываемый в ров хворост, возятся у стены каменщики, да скрипит возвращающаяся от обрыва смрадная повозка. Но то все снаружи, по эту сторону Серебряных Врат. А внутри? А по ту?

«Да что они, в самом деле?!» – Всеволод нахмурился. Со всем уж негоже ведут себя негостеприимные орденские братья. Этак ведь и обидеться можно. И коней назад повернуть от запертых ворот. Хотя...

Хотя ехать-то по большому счету, уже некуда. И до темноты надежного убежища поблизости не найти. Но от этого лишь множилась злость и раздражение.

Бу-у-ум-м-м-м!

Словно в ответ на невысказанные мысли – за стеной вдруг ударил колокол. Безрадостно и уныло. Один-единственный

раз.

Долгий вибрирующий звук тяжело поплыл над окрестностями, будто отлетающая душа, обремененная бесчисленными грехами.

Кнехты, трудившиеся под замковыми стенами, ненадолго прервали работу. Перекрестились. И – продолжили.

В бойнице над воротами, вроде бы, мелькнуло чье-то лицо. А может, показалось. М-да, мрачное все-таки местечко! Всеволод невольно передернул плечами. Повернулся к Конраду:

– Поторопил бы ты своих братьев, а? Покричи им, что ли, – пусть ворота откроют, в конце-то концов.

– Нельзя, – сакс ответил тихо, но твердо. Шлем свой Конрад держал в руке, ликом был скорбен, в глазах посла застыла печаль.

Рыцарь тоже перекрестился. Вздыхнул:

– Сейчас – нельзя. Ни кричать нельзя, ни торопить. В замке отпевают павших братьев. Слышал колокол?

Колокол Всеволод слышал. Но...

– Но нам-то что теперь делать?

– Ждать. Магистра уже должны были известить о нашем прибытии. Но, наверное, мастер Бернгард, по какой-то причине не может покинуть замковую часовню до конца службы. А без его приказа ворот не откроют.

– Понятно.

Всеволод досадливо крикнул: эх, не в добрый час они при-

были. Но раз уж такое дело, действительно, придется подождать: как ни крути, а прощание с павшими соратниками не менее важно, чем встреча новых союзников.

Ждали они, впрочем, недолго.

– Wer?! – каркнул со стен невидимый страж.

– Ишь, спрашивает, кто такие, – скривился татарский юз-баши. – Будто сам не видит.

Не всякий степняк понимает немецкую речь, но Сагаадай, как и Всеволод, вел свою дружину на помощь к тевтонам, а значит, должен был понимать.

Конрад выехал вперед. Завел коня на мост. Поднял голову, давая дозорному возможность осмотреть себя.

– Я – Конрад фон Рихтен, посланник мастера Бернгарда, – громко выкрикнул рыцарь.

– Кого ты привел с собой, брат Конрад? – спросили сверху.

– Со мной едут русы, в земли которых я был отправлен за подмогой, примкнувшие к нам в дороге татары и шекелисы с Брец-перевала. Русичи и татары – носители серебряного оружия и хранители границы между мирами. Все обучены бою с нечистью. Шекелисы тоже изъявили желание вместе с нами защищать Серебряные Врата.

После недолгой паузы со стены ответили:

– Проезжай, брат Конрад. И пусть твои спутники следуют за тобой.

Звякнули цепи. Заскрипели ворота. Медленно поползли

вверх тяжелые, поблескивающие серебром решетки. Сначала одна, затем вторая. Копыта коней глухо простучали по настилу моста и вступили на плиты воротной арки. Звонкое эхо, выбитое подковами, заметалось под каменными сводами.

Всадники миновали ворота...

Глава 5

Ну, точно – не замок, а целый городок! Внутренний двор крепости был достаточно просторным, так что сотня с лишним верховых въехала туда без стеснения. Но вот расположиться вместе, единым отрядом оказалось не так-то просто. Поставленные сразу за внешними стенами каменные строения хитро расчленили и дробили пространство на несколько путаных проходов, где русичам, татарам и шекелисам поневоле пришлось рассредоточиваться.

Всеволод огляделся с седла. Умно. Очень умно. На таком поле брани и с невеликим отрядом можно выстоять против целой армии.

Справа и слева, спереди и сзади сгрудились в беспорядке, устроенном однако с явным умыслом и точным расчетом, конюшни, склады, кузни, оружейни, прочие хозяйственные постройки, жилые помещения для слуг, казармы кнехтов... Одни соединены друг с другом впритык, другие стоят поодиночке, вразброс. И всюду, куда ни глянь, – повороты, тупики, проемы, лазы, ниши, щели, двери, бойницы. Из-за любого угла можно нанести смертельный удар. Из любого окна – пустить стрелу. Да и перегородить рогатками или телегой такие проходы – пара пустяков.

Этот, в общем-то, невеликий и незамысловатый лабиринт, непременно сбил бы с толку любого противника, во-

рвавшегося в крепость, но ничего не ведающего о ее внутреннем обустройстве. Лабиринт запутал бы, расколол, рассеял вражеские силы. Позволил бы защитникам выиграть время, перегруппироваться, нанести ответный удар.

Всеволод отметил также, что все крыши на замковом дворе крыты одним материалом. Осина. Осиновые бревна, осиновые доски, осиновая дранка... Нечисть на такую кровлю без особой нужды не полезет, нечисть предпочтет наступать тесными улочками. Зато людям с крыш отбиваться – милое дело! Каждый дом можно превратить в спасительный островок-башенку на котором сподручно держать оборону.

Было бы только кому сражаться.

Увы...

Тевтонская Сторожа выглядела обезлюдевшей. На замковых стенах – пусто. Да и под стенами тоже не так, чтоб очень густо. В домах – никого. Двери – нараспашку. Людей – раз, два и обчелся. Там вон, вроде бы, мелькнул белый рыцарский плащ. А там – кольчуги и черные куртки кнехтов.

Да, у каждого – серебро на доспехах. Но мало... слишком мало народу. Непозволительно мало для такой огромной крепости. Перебили упыри почти всех уже, что ли? Но как тогда оставшийся гарнизон вообще еще удерживает эту цитадель?

Конрад и Бранко первыми миновали застроенный внутренний двор. Остальные в тягостном молчании проследовали за ними.

Уткнулись в стену, огораживавшую центральную часть крепости. Сразу за внутренней стеной – тесно, буквально друг на друге – громоздились неприступные укрепления замка-в-замке, цитадели-в-цитадели, над которыми главенствовала круглая башня-донжон с тевтонским – черный крест на белом фоне – стягом, венчавшем островерхую крышу. Под донжоном ютилась замковая часовенка, которую нетрудно было распознать по латинянскому кресту над невысокой колокольной.

Понятно... Внутренняя крепостца, должна стать последним оплотом защитников Серебряных Врат, если упыриное воинство все же пробьется через замковый двор. Поверху этот детинец, как и внешние стены, густо щетинился серебрянными шипами. Внутрь вели небольшие – всадник проедет, лишь опустив копьё и пригнув голову – ворота. Тяжелые створки тоже – все в заточенных колючках из стали и белого металла. Серебро... опять серебро. Интересно, все же, откуда его здесь столько-то!

Ворота детинца оказались чуть приотворенными. Возле низкой арки стояли пятеро рыцарей. Изможденные, осунувшиеся, с запавшими и краснющими (сколько ж ночей не спали, бедолаги?) глазами. Без доспехов, с одними мечами на перевязях. В белых плащах с черными крестами по левому плечу.

Встречали, похоже...

Только невеселая выходила встреча.

Двое тевтонов – перевязаны. Плечо. Бок... Повязки сильно кровят. Видимо, под ними выдраны изрядные куски плоти.

Еще у одного отсутствовала кисть левой руки. Давно отсутствовал: культя, торчащая из закатанного рукава, уже зажила и затянулась. Отрубили руку? Оторвали? Откусили?..

Краем глаза Всеволод заметил, как Эржебетт, обряженная в мужские одежды и брони, старается укрыться за спинами дружинников. Бойтся девчонка? Не мудрено. Эти израненные и измученные рыцари больше походили на призраков, чем на живых людей.

Вперед выступил однорукий. Худой, сухой, немолодой, с обильной сединой в клочковатой бороде. На поясе возле меча под обрубком левой руки у калечного рыцаря позвякивала увесистая связка ключей. По бледному лицу с воспаленными глазами скользнула слабая немного растерянная и виноватая улыбка. Так улыбается уставший хозяин дорогим, но все же не ко времени явившимся гостям.

Вот, наверное, и есть главный тевтон...

– Кто этот, без руки? – шепотом поинтересовался Всеволод у Конрада, – Ваш старец-воевода? Магистр? Мастер?

– Нет, – так же тихо ответил посол. В голосе Конрада слышалась тревога. – Это не мастер Бернгард. Это кастелян замка. Брат Томас.

Однорукий подошел ближе.

С приветственной речью тевтон, правда, не спешил. За-

держав взгляд где-то за спиной Всеволода – то ли на шеке-
лиссском музыканте Раду, то ли на Эржебетт в ратной одеж-
де – немец изумленно сморгнул, потом – нахмурился. Буд-
то мимолетная туча скользнула по лицу сакса. «Не нравит-
ся, что молодежь в дружине?» – истолковал невысказанное
недовольство Всеволод. Напрягся.

Впрочем, тень недовольства быстро рассеялась. Тевтон
чуть склонил голову:

– Рад приветствовать тебя, брат Конрад, и твоих спутни-
ков. Мы давно ждем и неустанно молимся о благополучном
завершении вашего нелегкого пути по проклятым эрдейским
землям.

Всеволод окинул взглядом свой вымотанный, поредевший
отряд. Видимо, молились тевтоны, все же, не очень усердно.
Потери... Эх, слишком большие потери понесла его дружи-
на. А уж о воинах Сагаада и вовсе говорить не приходит-
ся. Да и ратники Золтона... Или в сложившихся обстоятель-
ствах это и есть то самое благополучное завершение пути?
Погибли не все, и – Слава Богу. И за то надо благодарить
небеса. Всеволод покосился на культю замкового кастеляна.
Может быть, очень даже может быть...

Конрад уже соскочил с коня. Тоже поклонился одноруко-
му.

– И я рад видеть тебя, брат Томас. Но позволено ли мне бу-
дет узнать, где мастер Бернгард? Почему он не вышел встре-
чать подмогу?

– Его нет, – коротко ответил однорукий рыцарь.

– Что?! – Конрад изменился в лице. – Он... он убит? Это его отпевали?!

– Господь с тобой, брат! – покалеченный тевтон в ужасе сотворил здоровой рукой крестное знамение. – Мастера Бернгарда просто нет сейчас в замке. Сегодня он вновь вышел за стены наших доблестных братьев, ибо нельзя...

Однорукий сглотнул и продолжил хрипло, сквозь зубы:

– ... нельзя прощать злу сотворенное им. Нельзя давать покоя днем исчадиям тьмы, которые уничтожают добрых христиан ночью.

– Вылазка? – понимающе спросил Конрад.

– Вылазка, – кивнул Томас. – Большая вылазка. Братья выехали из замка поутру. Должны вернуться на закате.

– На закате? – нахмурился Конрад.

– Перед отъездом каждый дал обет искать и истреблять проклятых нахтцереров, покуда солнце не коснется горизонта. Я тоже отправился бы с братьями, но рука... – Томас с сожалением глянул на левую культю, горестно вздохнул, – Меч-то я, слава Господу, держу по-прежнему крепко, и оборонять замковые стены могу не хуже других. Но в конных вылазках мастер Бернгард участвовать мне запретил. Говорит, повод должен лежать в крепкой длани, а не болтаться намотанным на огрызок предплечья.

Всеволод покосился на Сагаадая. Вот уж кто спокойно управился бы с лошадыю вовсе без рук – одними только но-

гами. Но тевтонский рыцарь – это, конечно, не степной кочевник. Однорукий тевтон в седле, пожалуй, и в самом деле много не навоюет.

– Я, несколько раненых и немощных братьев, небольшая часть стрелков и кнехтов остались здесь, чтобы отдать последний долг павшим, приглядеть за замком и подготовить крепость к новому штурму, – продолжал калечный германец. – Но не будем об этом. Сейчас у нас милостью Божьей великая радость. Ты, брат Конрад, все-таки привел союзников Святого братства!

Закончив свою речь, Томас, наконец, повернулся к Всеволоду и Сагаадаю. Кастелян безошибочно распознал предводителей союзных дружин и приветствовал обоих сдержанным поклоном.

– Прошу простить за то, что заставил вас и ваших воинов ждать у ворот. В этом не было ни злого умысла, ни желания обидеть или оскорбить. Времена нынче беспокойные. А когда ночи опасны, то разумный человек и днем стережется. Здешние разбойники – черные хайдуки, могут пожаловать к крепости и при солнечном свете. Да и одиночка-вервольф в человеческом обличье, того и гляди, проберется незамеченным. Кто ж их знает – все ли они сбежали от кровопийц, или кружат еще где-нибудь поблизости. Береженного, как известно, Господь бережет, а воинов мне мастер Бернгард оставил немного. Вот мы и опускаем решетки, даже когда за стеной ведутся работы. Потерять нескольких работников все

же не так страшно, как потерять весь замок...

Всеволод поморщился. Такая логика ему была не по душе. Хотя с другой стороны... В чем-то, наверное, однорукий рыцарь прав.

Томас, видимо, заметил неодобрение, промелькнувшее на лице гостя, но понял его по-своему. Поспешил заверить:

– Разумеется, нерадивый страж, не сообщивший мне о вашем появлении сразу, будет наказан со всей надлежащей строгостью.

Кастелян кивком указал в сторону, где, понурившись, стоял кнехт – маленький, худенький, невзрачный человечек с изуродованным лицом. На правой щеке кнехта выделялась рваная, не до конца еще зажившая рана. Ни меч, ни копье такую не оставят, а вот упыриный коготь – запросто.

– Не стоит, – поспешил заступиться за провинившегося стража Всеволод. – Мы не в обиде. Думаю, имелась уважительная причина, по которой этот воин не осмелились вас потревожить. Я слышал колокольный звон.

Тяжкий вздох.

– Ну, вообще-то... – кивнул Томас. – Знаете, вы прибыли в тот момент, когда мы прощались с братьями, погибшими в бою.

В воздухе повисла неловкая пауза. Упрек – не упрек. Извинение – не извинение.

– Не карайте своего стража, – еще раз попросил Всеволод. – Пусть дальше несет службу.

Кастелян пожал плечами:

– Как вам будет угодно. Вы – гость, причем, долгожданный гость. Вам решать.

Едва заметным движением руки Томас отпустил кнехта. Тот низко поклонился – и не понять, то ли кастеляну, то ли Всеволоду предназначался его поклон – после чего быстро и бесшумно удалился.

Томас сокрушенно покачал головой. Все-таки радоваться великой радостью – той самой, которая милостию Божьей – у однорукого рыцаря нынче не получалось.

– Прошлой ночью снова был штурм, – тихо проговорил кастелян. – Пало три рыцаря. Брат Фридрих, брат Вильгельм, брат Яков...

– Брат Фридрих, брат Вильгельм, брат Яков, – эхом отозвался Конрад. – Я хорошо знал их. Все трое – доблестные воины и благочестивые христиане.

– Еще погибло девять человек, – добавил Томас. – Верные оруженосцы, славные стрелки, бесстрашные кнехты...

– Девять... – также негромко повторил Конрад. Нахмурился. – Три и девять. Двенадцать. Слишком много.

– Проклятые нахтцереры едва не влезли на западную стену. Пришлось поджигать ров.

Некоторое время вновь царила тишина. Затем Томас вздохнул:

– Отбивать атаки все труднее. Нечисти становится больше, а людей остается меньше. Те же, кто еще жив, валяются

с ног от ран и усталости. Ночью – битвы. Днем – вылазки, похороны погибших и изматывающая работа. Не спим, случается, целыми сутками.

– Теперь будет легче, брат Томас, – Конрад кивнул назад, на запыленных молчаливых всадников. – Подмога пришла.

– Да, конечно, подмога... – однорукий рыцарь поднял глаза. – Легче... будет легче...

В глазах тевтонского кастеляна стояла беспросветная тоска. Его криво изогнутые губы уже мало походили на радушную улыбку. На гримасу отчаяния – больше. Похоже, брату Томасу, не очень верилось, что подмога из сотни с небольшим всадников способна что-либо изменить.

Глава 6

Расседланных лошадей поставили в пустующие конюшни, доверив заботам орденских конюхов. Русская дружина, татары и десяток угров с Золтаном во главе расположились в гарнизонных казармах под внешними стенами. Прежде, судя по всему, здесь было полно ратного люда. Теперь стало просторно и пусто, так что места хватило всем.

Всеволоду и Сагаадаю отвели покои в донжоне. Наверное, это было весьма почетно: внутренние помещения огромной башни и примыкавших к ней пристроек с многочисленными коридорами, переходами и лестницами занимали лишь братья-рыцари из орденской верхушки. Но почетом дело и ограничилось. Гостевые покои оказались унылы, безрадостны и, по большому счету, не отличались от монастырских келий. Ну, разве что попросторнее малость.

Всеволод с любопытством оглядел выделенную ему комнатушку.

Да уж... Голые каменные стены, узкие жесткие полаты с парой истертых медвежьих шкур, грубо сколоченные стол, массивная лавка. У стены – неподъемный сундук с плоской крышкой, который тоже, по всей видимости, использовали здесь как лавку (внутри – лишь пыль, грязь, старая ветошь, да паутина). Узкое окно-бойница, через которую видно часть внешней западной стены, склон замковой горы и вход в уще-

лье, ведущее к Мертвому озеру. Низенькая – чтобы войти, приходилось здорово гнуть спину – дверь с медным кольцом и массивным засовом. Еще – подставка для свечей, да на стене – крюк под лампадку. Все. Обстановка еще проще и незамысловатее, чем в дружинной избе родной Сторожи. Хорошо, хоть пол – не голый, каменный, а крытый досками. Но и доски эти – старые рассохшиеся, с глубокими трещинами.

– Уж не обессудьте за наш скромный быт, – словно оправдываясь, развел руками Томас, лично занимавшийся размещением гостей, – У нас все братья живут так. Мастер Бернгард – тоже. Мирские радости чужды воинам креста.

Что ж, на особую роскошь в крепости рыцарей-монахов Всеволод и не рассчитывал, но после изобилия серебра на воротах и стенах, подобный аскетизм оказался все же несколько неожиданным. Хотя с другой стороны... Серебро – оно ж там для дела, не для красоты.

– Все в порядке, брат Томас, – кивнул Всеволод.

Сам-то он и под открытым небом, закутавшись в конскую попону, переможется без труда, но вот...

Осторожно, стараясь не выдать сокровенное ни словом, ни взглядом, Всеволод попросил обустроить в комнате еще одно ложе. На немой вопрос в глазах кастеляна, пояснил:

– Для моего оруженосца. Он будет жить со мной.

Вообще-то не «он» – «она». За отрока-оруженосца Всеволод выдавал Эржебетт. Только брату Томасу об этом знать пока не обязательно. Неприятные объяснения Всеволод ре-

шил отложить на потом. Раз уж магистра в замке все равно нет. Появится – с ним и будет разговор на эту тему, а до тех пор. Не в общую же казарму селить девчонку, в самом деле?

Томас ни о чем не расспрашивал. Распорядился выполнить просьбу гостя и удалился, сославшись на неотложные дела. Три кнехта притащили набитый соломой тюфяк, и еще одну пару медвежьих шкур. Все это бросили в угол – на пол. Для оруженосца, видимо, большего и не полагалось.

Сделав дело, двое кнехтов ушли сразу. Один отчего-то замешкался на пороге и задержался. Тот самый – с рваной щекой. Провинившийся стражник, которого Всеволод спас от наказания.

– Вы это... господин... – спасенный все не уходил, неловко переминаясь с ноги на ногу. Пыхтел и краснел, будто совершил что-то недостойное, а теперь совестился.

От немца сильно несло чесноком. Надуманное средство против упырей, никчемное совершенно, но многие на него все же уповают, полагая, что хуже не будет.

– Ну... знаете... – бормотал кнехт.

– Что такое? – озадаченно спросил Всеволод. – Да говори же!

Кнехт огляделся по сторонам – как-то нехорошо, воровато даже. Потом – сказал, понизив голос:

– Спасибо, добрый господин, что заступились за меня перед братом кастеляном.

– А-а-а, это... Пустое, – рассеянно отмахнулся Всеволод.

– Да нет, не пустое вовсе, – не согласился тевтон. – Сказать, по чести, я ведь просто уснул на посту. Потому и не заметил вас сразу, и брата Томаса вовремя не предупредил. Если б разбираться стали – заставили бы клясться на Святом распятии и Библии. А тут уж не солжешь. Вызнали бы, в общем, что к чему... – кнехт сбился, передернул плечами. – Знаете, за такое у нас спрос строгий...

Всеволод нахмурился. Вообще-то за такое и в его дружине по головке гладить не стали бы. Может, не стоило мешать Томасу? Пусть бы выпороли хорошенько нерадивого стража. Оно полезно. Впредь урок будет: не спи в дозоре сам и не подставляй других.

– За такое у нас казнить могут, а могут – и того хуже – выгнать за стены, на ночь глядя, – торопливо продолжал кнехт.

Ах, вот оно что! Не в порке, оказывается, дело. М-да, порядки в немецкой Стороже суровы. Впрочем, во время Набега, наверное, так и надо. Только так.

– А я ведь, почитай, двое суток не спал. Мы обычно днем по очереди отдыхаем, но сегодня – большая вылазка. Народу в замке осталось мало, работы – много. Вот и миновала меня та очередь. Ну, и сморило... Спал, покуда колокол в часовне не ударил. А как проснулся – вы уж под самыми воротами стоите. И хорошо, что вы. А если бы враг какой? Знаете, самому тошно. Злость на себя берет! Знаю, что виновен, а брату кастеляну признаться страшно... Вот вам сказал и, вроде как, легче стало. Теперь – хотите губите, хотите – милуйте.

Переживал бедолага-кнехт. Искренне переживал и каялся. Поедом себя ел за слабость, недозволенную воину Сто-рожи. Но выслушивать его жалобы сейчас было недосуг.

– Ступай с миром, – сказал Всеволод. – Брату Томасу я тебя не выдам, но чтоб больше...

– Никогда! – обрадовано заверил кнехт. – Ни в коем слу-чае! Веки вырву, а на посту не усну!

Незаживший шрам на лице делал его улыбку кривой, неприятной и пугающей. Словно не во весь рот улыбался тевтон, но еще и во всю правую щеку – чуть не до уха.

– Ступай-ступай, – поторопил Всеволод.

Кнехт, однако, не уходил. Перестав вдруг улыбаться и по-серьезнев, немец тихо промолвил:

– Я ведь не только поблагодарить вас хочу, добрый госпо-дин. – Предупредить еще...

Вот это уже было любопытно. Всеволод подошел ближе.

– О чем?

Кнехт снова зыркнул по сторонам, убедился, что никто не подслушивает, и быстро-быстро зашептал – в самое ухо, обдав Всеволода густым чесночным запахом:

– Вообще-то у нас об этом говорить не принято... Но зна-ете, господин... вы бы того... дверь запирать на засов не за-бывайте... особенно если спать ложитесь... И оруженосцу своему тоже передайте...

Да, очень интересно это было!

– А в чем, собственно, дело? – спросил Всеволод.

– Так... – кнехт отвел взгляд. – Всякое говорят... И разное бывает...

С этими словами тевтонский служка попытался выскользнуть за порог. Всеволод – не дал. Схватил странного советчика за рукав, быстро втянул обратно в комнату, запер дверь.

– Нет, погоди-погоди, мил человек. Раз уж начал, то, будь любезен, договаривай до конца. Рассказывай, давай, что тут у вас творится? От чего и от кого закрываться надобно?

– Да я и сам толком ничего не знаю, добрый господин, – оказавшись взаперти, нежданный доброхот стушевался, втянул голову в плечи, заозирался совсем уж затравлено. Видать, жалеет уже, что вообще полез со своими откровениями и предупреждениями. – И никто ничего не знает. Просто слухи ходят и...

– И?..

– Случается, люди в замке исчезают.

– Как это?

– То есть, не совсем исчезают. Потом-то их находят. Только...

– Ну?!

– Обескровленных совсем. Досуха высосанных. Будто нахтцерер какой постарался...

– Вот как? Темная тварь в крепости? – Всеволод внимательно смотрел на тевтона.

Тевтон же смотреть ему в глаза не хотел. Не похоже было, чтобы кнехт врал. Но... Что боялся – вот на это очень

похоже.

– И часто у вас такое?

– Что? – непонимающе захлопал глазами немец. От страха бедняга стал совсем плохонько соображать. – Что – часто?

– Людей похищают и испивают?

– Нет-нет-нет, – зачастил кнехт. – Совсем нет. Вот в прошлом месяце одного нашли. И в позапрошлом – тоже. И у обоих – ни кровинки.

– А раньше? Было что-то подобное раньше?

– Ну, раньше-то, до Набега поселяне из комтурии поговаривали, будто в эрдейских землях нечисть объявилась и вокруг замка рыскает. Якобы из тех тварей, что еще в давние языческие времена прошли через прорванную границу.

Глава 7

Дело становилось все интереснее и интереснее.

– Поселяне, говоришь? – Всеволод в раздумье поскреб затылок.

– Ага. У них тоже люди пропадали. Опять-таки по человечку в месяц. Но этих вовсе не находили, да и не искали, сказать по правде, особо. Исчезали-то и без того пропащие людишки. Никчемные, о ком и не горевал никто сильно. Может, оттого селянам веры не было. Мало ли кто куда забрел. Мало ли кто где сгинул. Но вот как округа опустела... В замке у нас, в общем, тогда началось.

– И как же этакое могло начаться в Стороже? – не мог взять в толк Всеволод.

– Ну... Слушок ходит, будто в начале Набега, еще при первых штурмах какой-то нахтцерер через стену незамеченным проскользнул и с той поры таится в крепости. Его у нас так и называют: замковый нахтцерер, – заговорщицким тоном поведал кнехт. И – тут же виновато улыбнулся. – Ерунда, конечно. Трудно темной твари в замке утаиться. Да и жажда у ночного кровопийцы такая, что одним человеком в месяц он бы нипочем не обошелся. Если уж прорвется через стену, то хищничать будет каждую ночь, пока на сталь с серебром не напорется.

Да, действительно... Бред какой-то. Человек в месяц.

Смешно! Никакой упырь не удовлетворится столь малой жертвой. У упыря – жажда... Жажда с большой буквы. Упырю подавай свежую кровушку бочками. Ежедневно подавай. И то мало будет...

– Но все-таки, вы уж запирайтесь, добрый господин. На всякий случай.

Странное предупреждение. А еще более странно, что ни Конрад, ни волох Бранко за все время совместного путешествия ни разу о замковом кровопийце не обмолвились. Видимо, об ЭТОМ в тевтонской Стороже, и правда, говорить не принято.

– Кто-нибудь когда-нибудь встречал вашего замкового упыря? Видел его? – спросил Всеволод.

– Нет, господин. Я же говорю: слухи только... всего лишь слухи. Ну и... – собеседник запнулся, – и два трупа.

– погоди, – прищурился Всеволод. – А ты сам-то видел эти обескровленные трупы? Своими глазами – видел?

Кнехт замялся, запунцовел:

– Я – нет. Но мне говорили... рассказывали... как будто видели... будто втайне их схоронили... будто...

– Значит все же только слухи? Без трупов?

Кнехт поник, повесил голову.

– Ясно... – досадливо крикнул Всеволод.

Вот что делает с людьми страх и чрезмерное напряжение сил физических и духовных. Опасные слухи появляются там, где слишком много страха, где нервы – как натянутая тетива.

ва. И где есть хотя бы одна слабая душонка. Вроде этой вот. Или душа сильная, но истершаяся, и со временем ставшая слабой. Все-таки еженощные штурмы темных тварей способны, наверное, подтачивать и кремень-души. Если штурмы продолжаются без конца. И без надежды. Да, так все и происходит. Набег порождает в ослабших человеческих душах страх. Страх рождает слухи, которые в свою очередь еще сильнее размягчают крепость душ.

Опасная круговерть.

– Я просто хотел предупредить, добрый господин. Как лучше хотел...

Всеволод сдержанно поблагодарил кнехта. Кнехт поспешно выскользнул из комнаты.

Всеволод прикрыл за ушедшим дверь. Не из страха – из безразличия. Пожалуй, все-таки не следовало ему заступаться за этого...

А глаза уже осматривали дверь. А пальцы – ощупывали засов. А мысли...

«Хорошая дверь. Хороший засов. Плечом не высадишь. И даже если секирой... И упырю прогрызть такие толстые доски – не враз».

Тьфу ты! Всеволод оборвал течение мыслей, принимавших ненужное направление. Досадно стало на самого себя. Надо же! Заразился-таки рассказами перепуганного кнехта. Не было ведь ничего на самом деле! Потому Конрад с Бранко и не поведали в походе о замковом упыре. А если

было, то...

«То что? Дым без огня?»

Ну, может, во время штурмов завалились куда-то со стен тела испитых упырями защитников. Ну, затерялись. Ну, не досчитались бедолаг. Ну, не нашли. Сразу. А нашли – после. Один раз. Второй. Вот и пошел гулять опасный слушок.

«Хорошая дверь. Хороший засов...»

Что ж, хорошая дверь и хороший засов в этом не очень-то гостеприимном замка все равно пригодятся. Не ему, нет – Эржебетт. За запертой дверью она будет чувствовать себя в безопасности. По крайней мере, до тех пор, пока не вернется Бернгард и пока орденский старец-воевода не решит ее судьбу.

Кстати, об Эржебетт... А где его дева-оруженосец спать-то будет? Не на полу же, в самом деле? Всеволод улыбнулся. Он был доволен: вот теперь мысли текли в верном направлении.

«Ладно, как-нибудь приспособимся, – подумал он.

Тихонько скрипнула притворенная дверь. Всеволод обернулся. Кто там еще?

Ишь ты! Легка на помине!

В комнату заглядывала Эржебетт. Сзади стояли Сагаадай и Золтан.

– Вот, русич, принимай, – недовольно буркнул шекелис. – А то не совсем не своя девчонка. То прячется, то мычит и мечется. Тебя, вроде как, ищет. Ну, мы ее и решили приве-

сти.

– А погляди-ка: нашла – и успокоилась сразу, – усмехнулся степняк.

Эржебетт тихонько вошла в комнату. Встала у стены неприметной мышкой, поближе к Всеволоду. И уходить отсюда уже, явно, не собиралась.

В самом деле, – нашла...

– Ну, привели – и привели, – пробурчал Всеволод, чувствуя, как наливается краской. – Молодцы. Спасибо. А теперь оставьте девчонку в покое.

«Нас с ней оставьте».

Дверь снова закрылась. Всеволод вздохнул.

– Ну, и что мне теперь с тобой делать?

Эржебетт улыбнулась ему заискивающе-обезоруживающей улыбкой. Кивнула то ли своим, то ли его невысказанным мыслям. А может, и его, и своим сразу.

И-эх! Всеволод махнул рукой:

– Давай обустроиваться, что ли...

Он придвинул к неподъемному сундуку у стены тяжелую лавку. Та оказалось почти вровень. Брошенные сверху тюфяк и шкуры вовсе сгладили неровности. Для него самого такое ложе маловато будет, да и не выдержит оно его – разъедется и развалиться. Но для Эржебетт... Всеволод скользнул взглядом по худенькой невысокой фигурке. Для нее сгодиться. Если отроковица свернется калачиком на бочке, так и на одном сундуке поместится. А с лавкой – так и вовсе

раздолье будет.

Неплохо, конечно, было бы все это перетащить к его дощатым полатам: ну... чтобы вдвоем, вместе чтобы... Но дубовый, обитый железом сундук оказался слишком тяжел. И к тому же, был вставлен в специальную нишу в полу и стене. Такой не выковырнуть и не дотянуть на другой конец комнаты. Вместе с Сагаадаем и Золтаном еще можно было бы, наверное, попытаться. Но просить соратников обустройства их совместное с девчонкой-найденным ложе все же не хотелось. Да и тевтоны, если узнают, не поймут, почему это воевода спит вместе со своим оруженосцем. Эржебетт ведь пока здесь за оруженосца. И бог весть, когда еще выпадет удобный случай поговорить с местным старцем-воеводой о девчонке.

Поразмыслив немного, Всеволод решил подтащить к ложу Эржебетт и стол. Ему, как ни крути, надлежало стоять возле лавки. Так будет куда присесть и где перекусить на скорую руку, чтобы лишний раз не выводить Эржебетт к общему застолью на показ орденским братьям. Или оружие почистить, доспех поправить, одежду починить... Да мало ли дел можно переделать, сидючи по-человечески – на лавке да за столом. А поскольку единственная лавка теперь возле сундука пристроена... В общем, пришлось еще повозиться: дубовый столик оказался тяжеленным, зараза, а из девчонки – какая помощница? Конечно, в одиночку тягал.

Стол встал малость кривовато, но все же кое-как, со скри-

пом, уместился в простенок за ложем, сооруженным для Эржебетт. Одним краем уперся в сундук – тот аж затрещал, родимый, другим – оцарапал неровную кладку стены.

Ну вот, теперь, можно сказать, и обустроились.

– Значит так... – Всеволод повернулся к девушке. Приказал по-немецки – авось, поймет язык саксов: – Сиди здесь.

А чтоб лучше поняла – хлопнул ладонью по ложу-сундуку. Не удовлетворился. Подвел, усадил.

– Без особой нужды и без моего слова из комнаты не выходи...

Указал на дверь, покачал головой: нет, мол, нельзя.

– ... и никого не впускай.

Задвинул засов.

– Открывать будешь только мне.

Ткнул себя в грудь.

– Узнаешь меня просто. Я постучу... Вот так, запоминай...

Стукнул по доскам стола: быстро, три раза. И – снова – себя в грудь. И опять – в доску – скоро, трижды.

– Сначала постучу, потом – позову.

Указал на свой рот, на ее уши.

– Услышишь стук и мой голос – тогда откроешь.

Дернул засов, отворил дверь.

– Ясно тебе?

Испуганное хлопанье ресниц.

– А-а-а...

– Ясно, спрашиваю?

Торопливый кивок.

Может, и ясно, может – нет.

– Ладно, – Всеволод хлопнул по сундуку. – Пока просто сиди здесь и жди. Я скоро. Осмотрюсь и вернусь.

Он вышел из комнаты, притворил дверь. Не успел отойти и на пару шагов, как за спиной скрежетнул запирающийся засов. Ага! Кажись, Эржебетт все поняла правильно.

Глава 8

По распоряжению Томаса на замковой кухне, уже что-то стряпали. Много, в потребных случаю количествах: и гостей следовало попотчевать с дороги, и к возвращению здешнего старца-воеводы, которого тевтоны именovali мастером Бернгардом, подготовиться. А пока было время, Всеволод, Сагаадай и Золтан пожелали осмотреть тевтонскую цитадель.

– Крепость большая, – предупредил Томас. – До трапезы всю не обойти.

– Посмотрим, что успеем, – пожал плечами Всеволод, – Веди, брат Томас, показывай.

Первым делом поднялись на самую верхнюю точку замка – на смотровую площадку донжона. Здесь сильно дуло. Шумно билось на ветру огромное белое полотнище с черным крестом. Ветер яростно трепал одежды, норовил содрать шлемы и шапки.

Угрюмый страж – закутанный в черный плащ кнехт, по всей видимости, сменивший на посту нерадивого дозорного с рваной щекой, молча поклонился кастеляну. На плече стража висел сигнальный рог. Судя по размерам рога, издаваемый им звук достигнет ушей всякого, находящегося в замке и в окрестностях замковой горы. И в ближайших окрестностях, и в дальних – тоже.

Томас перехватил взгляд Всеволода, пояснил:

– В рог трубят, когда Серебряным Вратам угрожают темные твари. Если услышите его зов – знайте: скоро на стены ползут нахтцереры.

Кастелян подошел к каменным зубцам на краю площадки. Продолжил:

– Нечисти по всей округе нынче развелось превеликое множество, и по ночам нахтцереры подступают со всех сторон. Но основанная их масса неизменно приходит во-о-он оттуда...

Здоровая рука Томаса указывала на безжизненное плато в конце извилистого ущелья-горловины.

С высоты донжона, поднимавшегося над замковой горой, далекое озеро – правильный, слишком правильный овал, холодно поблескивающий отраженными солнечными лучами – видно было как на ладони.

– Мертвое Озеро, – с ненавистью процедил Томас. – А под ним – Проклятый Проход.

– За озером наблюдают даже днем? – спросил Всеволод.

– Да, и днем – тоже, – ответил провожатый. – Может быть, в этом и нет необходимости, но так всем нам спокойнее.

В общем-то, это было понятно.

– Но ночью?! – вдруг осенило Всеволода. – Ночью отсюда ведь озеро не видно!

Даже его, Всеволода, специально тренированные и привычные ко мраку глаза, вряд ли что различат в темноте на

таком расстоянии.

– Не видно, – согласился кастелян.

– Как же вы узнаете, что открывается Проход?

– Это не трудно, – вздохнул Томас, – Когда мертвые воды разверзаются, озеро начинает светиться.

– Светится? – удивился Всеволод.

– Именно. Зеленоватым таким призрачным светом, как... – кастелян поморщился. – Ну, как большая болотная гнилушка, что ли...

С главной башни они спустились на стены. Прошлись по боевым площадкам верхних ярусов. Осмотрели вблизи серебряные шипы, торчащие из каменной кладки. Стальные колючки с насечкой белого металла, прикрывавшие бойницы и заборала, казались препятствием непреодолимым. Увы, так только казалось.

– Натиск нахтцереров они не остановят, но все же на время сдержат нечисть, – на ходу объяснял тевтон. – Если бы не эти шипы, возможно, темные твари уже захватили бы замок.

Кое-где над крепостными зубцами поднимались подвижные балки с деревянными клювами. Сооружения эти, напоминавшие гигантские виселицы и коромысла, позволяли, не повреждая защитных шипов, перекидывать за стену – прямо на головы штурмующих – массивные бревна.

Бревна уложены тут же – осиновые стволы, усеянные сучьями, гвоздями, крюками, прямыми и изогнутыми лезвиями. Топорщившиеся во все стороны острия опять-таки по-

блескивали серебром. Можно себе представить, сколько тварей раздавит, изорвет и исцарапает такая лесина, сброшенная вниз!

В проходах и галереях стояли, прислоненные к каменным зубцам, легкие переносные рогатки из сбитых и связанных воедино кольев – тоже, разумеется, струганных из осины.

– А это здесь зачем? – поинтересовался Всеволод.

– На том случай, если твари прорвутся, – ответил Томас. – Такими загородками можно быстро перекрыть захваченный участок стены, выиграть немного времени, перегруппировать силы, потом ударить снова и отбить укрепления.

Всеволод только покачал головой. Вновь отбить захваченные упырями стены будет непросто. Но, похоже, тевтоны старались предусмотреть все. И, кто знает, быть может, лишь благодаря этой предусмотрительности Закатная Сторожа и выстояла до сих пор.

Шли дальше...

В специальных нишах у бойниц лежали целые охапки арбалетных стрел с серебряной насечкой. Наконечники у всех – широкие, плоские, топорщатся бритвено-заточенными краями. Такие острия рассчитаны не на пробитие брони, а исключительно на взрезание плоти. На некоторых наконечниках – глубокие зазубрины. Ох, не просто будет выдрать такую стрелу из раны. Да еще добрая треть толстых коротких древков – струганы из осиновых веток. Для пущей, надо полагать, эффективности в бою против нечисти. Име-

лись, впрочем, и стрелы попроще – без серебра, без осины – зажигательные, с обычными железными наконечниками, обмотанными просмоленной, промасленной и еще неведь чем пропитанной паклей.

Почти на каждом пролете внешних крепостных стен чернели закопченные котлы с густым вонючим варевом. Возле котлов – широкие наклонные желоба – разветвляющиеся, уходящие под заборало, и прикрытые снаружи решетками. По таким удобно поливать штурмующих варом. Или кипящим маслом. Или бурлящей смолой. Или расплавленным свинцом.

Однако ничего этого в котлах не было. Была темная жижа, по виду напоминавшая упыринную кровь и пахнувшая ненамного лучше. И что еще более странно: ни под одним из чанов Всеволод не увидел ни дров, ни угольев. Похоже, котлы вовсе не разогревались кострами. Но какой тогда от них прок?

– Греческий огонь, – кивнул на котлы Томас. – Горючая смесь, которую не нужно греть и кипятить, как воду или смолу. Достаточно опустить в котел горящий факел, и все его содержимое воспламенится. Причем гореть будет сильно и долго. Когда мы льем этот жидкий огонь вниз, под стенами начинается ад. А очищающее пламя столь же губительно для тварей, порожденных тьмой, как и серебро.

Что ж, теперь понятно, откуда взялись жирные копотные потеки на стенах...

Показал им кастелян и многочисленные пороки, установленные на открытых башенных площадках. Большие, массивные, опутанные канатами и перевитые крепкими воловьими жилами... Одни походили на арбалеты сказочных великанов. Другие – на толстые руки, оплетенные тугими венами и поднятые к небесам. Третьи – на перетянутые веревками деревянные ящики. Четвертые – на гигантские пращи. Причем, добрая половина метательных машин располагалась на движущихся платформах, позволявших при помощи рычагов и воротов быстро разворачивать пороки.

– Баллиста... катапульта... мангонель... спрингалд... петрария¹... – кивал на хитроумные сооружения кастелян.

Возле каждого башенного самострела высились аккуратные поленицы больших – с добрую рогатину – стрел и горки грубо отесанных округлых каменных глыб. И те, и другие были обмотаны паклей и обмазаны зловонной жижей из котлов. Имелись, впрочем, и иные снаряды. Толстостенные пузатые горшки и пустотелые металлические ядра с торчащими из узких горлышек промасленными фитилями.

– Это все – для дальнего огненного боя, – объяснил тевтон. – А там вон – запасы для ближнего...

Эти что ли? Всеволод подошел, присмотрелся. М-да, запасы... Небольшие глиняные шары, ошетилившиеся иглами из посеребренной стали. И шары железные, чуть приплюснутые, чем-то похожие на лампадки, покрытые тончайши-

¹ метательные машины, использовавшиеся в Средние века

ми накладками из белого металла. И деревянные, но в железных обручах, трубки, набитые темным порошком вперемешку с мелко рубленой серебряной проволокой и опилками. Между серебрённых шипов глиняных шаров, из округлых металлических боков сплюснутых «ламп» и над косыми срезами трубок тоже торчали фитили. Диковинный арсенал был невелик, однако обращались с ним тевтоны с превеликой осторожностью.

Всеволод осторожно заглянул в одну из трубок.

– Что здесь за порошок, брат Томас?

– Особое огненное зелье, – охотно удовлетворил его любопытство однорукий рыцарь. – Перетертые и смешанные друг с другом в определенных пропорциях уголь, селитра и сера. Секрет этой смеси мы узнали от сарацинских мудрецов.

– Она жжет, как греческий огонь? – спросил Всеволод.

– Не только жжет – разрывает в клочья любого, кто окажется рядом. И разбрасывает к тому же множество осколков.

– Громовые горшки и трубки, – неожиданно вмешался в разговор Сагаадай. Юзбаши одобрительно прищелкнул языком. – Страшное оружие... Его используют ханыцы, огорожившие свои земли большой стеной.

Всеволод недоуменно покосился на степняка, однако выяснять подробности не стал. Кочевники-татары побывали во многих странах, многое повидали и брали штурмом разные стены – и большие и малые. И если уж Сагаадай называет «громовые горшки и трубки» страшным оружием, зна-

чит, так оно и есть.

– А это что, Томас? – Золтана заинтересовал глиняный кувшинчик, одиноко стоявший в небольшом углублении между бойниц. Кувшин был закрыт, но шекелис уже успел снять крышку и заглянуть внутрь. Недоуменно поболтал содержимое, разочаровано протянул:

– Вода?

Всеволод не удержался – тоже глянул через плечо угра. И правда... Обычная водица. Самая, что ни на есть. Прозрачная. Невзрачная. Ни запаха, ни цвета...

– Будет лучше, если ты закроешь сосуд и поставишь его на место, – вежливо, но со скрытым раздражением произнес Томас. – И я бы никому не рекомендовал пить эту «воду».

– А что так? – с вызовом усмехнулся Золтан. – Тоже страшное оружие? Яд?

Всеволод поспешил встать между горячим шекелисом и рассерженным тевтоном. Спросил сам – примирительно и заинтересованно:

– Брат Томас, в самом деле, что это?

– Жидкий lapis internalis, – недовольно ответил кастелян. – Раствор адского камня²

– Адский камень? – нахмурился Всеволод. – Звучит зловеще.

– Всего лишь звучит. Это только слова. Алхимический

² lapis internalis или адский камень – алхимическое название нитрата серебра (AgNO₃)

язык. На самом деле, lapis – вещество, получаемое путем смешения лунного металла³ с едкой водкой⁴. Lapis легко растворяется в воде, а вода, несущая в себе силу серебра, – наи-вернейшее средство против нахтцереров. Только людям тоже следует быть с ней осторожными. Адский камень оставляет на коже черные пятна – отсюда, собственно, и происходит столь пугающее название. Если же серебряный раствор попадет в глаза, он разъест их и ослепит человека...

– А если раствор попадет на упыря? – спросил Всеволод. Это его занимало больше. – Что тогда?

Кастелян хищно осклабился.

– Одна капля прожигает нахтцерера насквозь. Жаль, у нас мало серебряной воды: ее непросто добывать. А то бы... – Томас мечтательно закатил глаза. – Эх, заполнить бы ею ров – и по ночам было бы куда как проще.

«Ну, прямо спасительная святая водица из адского камня», – недоверчиво подумал Всеволод. Вслух, однако, свою мысль он высказывать не стал. Подобные аналогии могли бы обидеть крестоносца.

³ в алхимии луна – символ серебра

⁴ азотная кислота

Глава 9

Они обошли боевые площадки внешних и внутренних стен. Побывали в надвратных башнях. Покрутили рычаги нехитрого механизма, выдвигающего серебрянные шипы между каменных плит, которыми была вымощена воротная арка. Облазили сверху донизу весь донжон и добрую половину пристроек к главной башне, осмотрели замковую часовню.

Затем настал черед многочисленных переходов, галерей и зал детинца, а также казарм и хозяйственных построек, расположенных на замковом дворе. Все это, впрочем, смотрели уже наспех, вполглаза. Можно сказать, что и не смотрели вовсе. Томас отпирал замки, гости заглядывали в распахнутые двери. А порой и просто проходили мимо, стараясь лишь запомнить – хотя бы приблизительно – расположение помещений.

Внимание Всеволода привлекли небольшие вентиляционные окошки-отдушины, темнеющие под мощным фундаментом донжона. В глубокой нише, уходящей вниз, обнаружилась и подвальная дверь – тяжелая, вся в железных полосах. Но не запертая.

– Мы можем взглянуть на нижние ярусы замка? – спросил Всеволод у провожатого.

Кастелян скривился как от зубной боли, и отмахнулся здо-

ровой рукой:

– Вот уж где нет ничего интересного – уверяю вас. В подземельях сыро и грязно, а ходов – много. Только зря перепачкаемся и время потеряем. Ужин, наверное, уже готов. И солнце, вон к закату клониться. Скоро мастер Бернгард вернется.

– И все же я убедительно прошу показать нам подземелья... – Всеволод решил проявить настойчивость. – Мы должны знать крепость, за которую предстоит сражаться, всю – от верхних смотровых площадок до подвалов.

– Совершенно верно, – не преминул поддержать его Золтан. – Должны.

Татарский юзбаши молча, но глубокомысленно кивнул, соглашаясь со спутниками.

Томас неодобрительно качнул головой, но все же вошел в подземелье, пошарил в неглубокой нише у входа, вытащил оттуда факел. Что-то недовольно бормоча, не без труда запалил огонь от небольшого едва теплившегося бронзового светильника, стоявшего тут же, на треноге. Вслед за кастеляном под низкую притолоку поднырнули гости.

Куда-то вниз во влажную темноту уводила длинная, высеченная в камне лестница. Всеволод мимоходом отметил: выкрошенные, истертые ступени укреплены разбухшими от влаги деревянными и ржавыми железными уголками. Сразу видать – старые ступенечки-то. Не просто старые – древние, еще в незапамятные времена вырубленные в скальной поро-

де.

Он и не заметил, как лестниц вдруг стало две, потом – четыре. То тут, то там, справа и слева появлялись ходы-ответвления. И еще. И снова. Вскоре выяснилось, что под замковым двором скрыта целая подземная крепость, возможно, лишь самую малость уступающая по размерам той, что возведена сверху. А может, и не уступающая вовсе.

Томас, освещавший дорогу факелом, вел их путанными извилистыми галереями, накручивая замысловатые петли по бесконечному лабиринту и опускаясь все ниже, ниже... Они здесь были не одни. Один раз прошли мимо широкого коридора, где горели масляные светильники, а по стенам метались размытые людские тени. В другом проходе встретили двух кнехтов: первый – с факелом, второй – с мешком на плече. Кнехты почтительно расступились, давая дорогу.

Снова куда-то заглядывали, и мимо чего-то проходили, не заинтересовавшись. Всеволод вертел головой, стараясь запомнить пройденный путь, но уже после первой дюжины поворотов понял, что безнадежно заплутал. Все же он был более привычен к лесам – не к пещерам.

– У вас тут, брат Томас, прямо не замок, а стольный град, – шуткой Всеволод попытался разрядить обстановку. – Два града. Один верхний, другой нижний.

– Я предупреждал, что сразу осмотреть всю крепость не удастся, – пожал плечами тевтон.

Молчание...

– Кто проложил все эти ходы? – на этот раз тишины не выдержал Сагаадай. Татарин настороженно озирался вокруг, прислушиваясь к каждому звуку. Кочевнику, привыкшему к бескрайним степным просторам, тоже, наверное, было неуютно в подземном лабиринте.

– Большую часть пещер пробила вода еще в те времена, когда здесь не было разлома-ущелья, ведущего с горного плато в низину, – ответил Томас. – Другая часть – древние каменоломни, которые впоследствии расширили воины первой Сторожи. А теперь вот мы приспособили подземелья под свои нужды. Задолго до Набега по приказу мастера Бернгарда здесь заготавливались впрок припасы. Под землей много специально оборудованных хранилищ, в которых годами не портится ни зерно, ни солонина, ни вяленая рыба, ни сушенное мясо. Благодаря предусмотрительности господина магистра, мы, в общем-то, и держимся до сих пор. Если бы ко всем нашим бедам добавился еще и голод...

Кастелян не закончил фразы. Да и не нужно было. И так все ясно.

Они шли дальше. Изредка гремели ключи, отворяя скрипучие двери на ржавых петлях. Шипящий факел касался кончиками пламени низких закопченных сводов. Порой трещащий на сквозняках огонь устраивал дикую пляску теней. Тени были густые, плотные.

«Вот где было бы раздолье упырям даже в полуденный час!» – невольно подумалось Всеволоду.

В нишах и трещинах по углам висела паутина, под ногами лежал крысиный помет. Что-то недовольно попискивало в темноте. Потом исчезли следы и пауков, и крыс. Ниже забирались только люди.

Они прошли склады, схроны, амбары. Прошли каменный резервуар с булькающим родничком, – что-что, а смерть от жажды защитникам тевтонской Сторожи явно не грозила.

– Все, – Томас остановился и опустил факел. – Здесь подземелье заканчивается. – Дальше пути нет.

Подсвеченное снизу лицо тевтона выглядело жутковато, словно неведомый горный дух, выступив из скалы, загородил дорогу чужеземцам.

Всеволод все же обошел кастеляна и сделал еще несколько шагов вперед – в темноту. Галерея тянулась куда-то прямо. Но справа... Он разглядел дверь. Точно! Массивная и, похоже, не запертая. Из-под двери выбивалась едва-едва различимая полоска света. Кто-то там был. Что-то там делали.

– Брат Томас, – позвал Всеволод. – А здесь у вас что?

Тевтон досадливо вздохнул. Чрезмерное любопытство гостей, кажется, не понравилось кастеляну. Ничего, переживет. Надо же знать, чем кончаются замковые подземелья.

– Мы можем взглянуть, брат Томас? – Всеволод не собирался уходить.

Однорукий рыцарь молча подошел к двери, толкнул. Открыл, показал...

Сначала в глаза бросился яркий ровный огонь в прикры-

том тигле. Потом – тусклый – в подвешенном на стене масляном светильнике в другом углу. Затем Всеволод различил множество диковинных сосудов, мисочек и ступок – глиняных, медных, деревянных, стеклянных – в беспорядке расставленных по полу и полкам. Заметил широкий раструб в потолке. Там, в зияющей тьме гудело, как в дымоходе с хорошей тягой. Наверное, это и был дымоход. Или отдушина. Или и то, и другое вместе. Невидимая труба (или трубы?), искусно выведенная наружу сквозь скалы и толщу земли.

У дальней – вовсе неосвещенной стены – в неглубокой нише лежали прислоненные друг к другу то ли бочки, то ли короткие бревна, прикрытые грязными тевтонскими плащами в черных крестах и черных пятнах. Посреди комнаты, между тиглем и светильником, под дымоходным проломом в потолке, стоял невысокий, но широкий и длинный дощатый стол, оббитый медью. Над столом тоже желтели отблески слабых огоньков. По всей видимости, это горела пара свечей в особых, прикрытых колпаками подсвечниках. Светить они сейчас могли только тем, кто сидел прямо перед ними.

Неверные факельные всполохи из галереи, тигль, светильник, свечи – все это мешало Всеволоду прибегнуть к ночному зрению. А для зрения обычного такого освещения все же не хватало. Едва-едва можно было разглядеть, что...

Над столом и свечами склонились две фигуры. Только одна обратила лицо к отворившейся двери. Седая клочковатая борода, седые косматые волосы. Белая накидка с черным

крестом. Поверх накидки – прожженный и перепачканный фартук. На руках – перчатки тонкой кожи. Старик кивнул Томасу и вновь отвернулся, погрузившись в неведомую работу.

Второй сакс, не отвлекаясь, совершал над столом однообразные ритмичные движения. Слышался свист воздуха, бульканье... Меха качает? Сифон какой-то?

Весь стол был заставлен большими и малыми емкостями, возле которых лежали инструменты непонятного предназначения. Блестящие, изогнутые, острые... То ли из палаческого арсенала, то ли из лекарского. И что-то еще там лежало, на этом столе – что-то вытянутое, укрытое грязной рогожей, будто змеями оплетенное двумя трубками. Что именно – из-за спин тевтонов так сразу и не разобрать.

– Алхимическая лаборатория, – коротко объяснил кастелян, не переступая порога и старательно отводя пламя, языки которого уже тянулись внутрь – к раструбу на потолке. – С факелом сюда лучше не входить. От факельного огня слишком много искр и огненных брызг. Здесь это может быть опасно.

Алхимическая лаборатория? Всеволоду вспомнился раствор серебряной воды. Адского камня – если на языке алхимиков. Вот оно, значит, как! Вот, значит, откуда... Очень, очень интересно.

– Разве орденом поощряются алхимические изыскания? – осторожно спросил Всеволод.

– Во-первых, наша комтурия находится слишком далеко от Пруссии и орденового начальства, – сухо ответил Томас, – А, во-вторых, алхимия – это вовсе не богопротивное колдовство и магия, а полезные для благого дела знания и опыт. Без них мы бы не смогли восстановить давно утерянный рецепт греческого огня, не изготовили бы сарацинский порошок, не добыли бы lapis и не создали бы целебные бальзамы, которые быстро ставят на ноги раненых, лечат больных, бодрят здоровых и снимают усталость после бессонных ночей. И потом... Все наше серебро...

Всеволод оторопел:

– Неужели, тоже алхимия?

Не дань с окрестных земель? Не плата за службу.

– Да-да-да, – трижды кивнул Томас. – Немало мудрецов бьется над созданием философского камня, способного одарить человеческий род золотом. Но людям сейчас нужнее иной металл. Лунный. Белый.

– И вам удалось...

Всеволод аж сглотнул слюну.

– Удастся понемногу, – уклончиво ответил проводник. – Обложить серебром все стены и башни замка мы пока не можем, но кое-что уже сделано. Да вы и сами видели.

Видели... Серебряные Врата. В самом, что ни на есть, прямом смысле – серебряные. И посеребрённые шипы на стенах они тоже видели.

Глава 10

Сагаадая больше интересовало другое.

– А вы не боитесь хранить здесь жидкий огонь и громовой порошок? – хмурясь, спросил степняк. – Одна случайная искра – и вся ваша крепость либо взлетит на воздух, либо сгорит.

– Хранить? – невесело усмехнулся Томас. – О, нет! Здесь не скапливается больших запасов. Не успевает скопиться. Все, что изготавливается днем, к ночи выносится наверх, на стены. А уж там расходуется быстро. Быстрее, чем хотелось бы. Вам еще представится возможность убедиться в этом.

Пока Томас удовлетворял любопытство юзбаши, Всеволод, не дожидаясь приглашения, переступил порог лаборатории.

– Куда?! – раздалось в спину.

Поздно... Томас, в самом деле, опасался входить в логово орденских алхимиков с факелом в руках. Тевтоны же, сидевшие за столом, были слишком поглощены работой, так что помешать Всеволоду никто не успел.

И он, наконец, разглядел вблизи то, что было не понятно издали.

На широком оббитом медью столе лежал труп. Нижнюю часть покойника по пояс прикрывала грубая ткань. А сверху... Бледная кожа. Бледное лицо.

Тело было полностью обескровлено, испито, высосано. На горле – рваная рана, вне всякого сомнения, от упыриных клыков. Но рана – не разверзнутая, не зияющая. Большая ее часть уже зашита. Схвачена грубыми стежками, стынута суровой толстой нитью.

В оставшееся небольшое – с палец – отверстие вставлена темная трубка. Керамика? Непрозрачное стекло? Медь? Бронза? Трубка жесткая, но, похоже, гибкая. Скорее, все-таки медь... Только потемневшая, чем-то сильно отравленная.

Еще одна такая же трубка входит куда-то под ключицу мертвеца.

Ага, а тот тевтон, совершающий у стола однообразные монотонные движения, оказывается, и в самом деле, приводит в движение...

Да, это был бронзовый ручной сифон – широкий, устойчиво стоявший на столе и предназначавшийся явно не для раздува огня в тигле. Складки малых мехов с одной стороны. С другой – длинное узкое горлышко, от которого и тянулись к покойнику две изогнутые трубки.

Имелась в этом сооружении и третья трубка – потолще и покороче двух первых. Эта уходила под стол – к большому толстостенному стеклянному сосуду. В полупрозрачной округлой емкости можно разглядеть жидкость, цвет которой (если он есть у нее вообще, этот цвет) из-за темного стекла, однако, определить было практически невозможно.

С каждым движением мехов сифон, шумно хлюпая и булькая, всасывал неведомый раствор. Прогонял и перекачивал через себя. А затем под сильным давлением наполнял им пустые вены и артерии испитого мертвеца.

Равномерно так наполнял. Рассчитано. Порция за порцией.

Вероятно, прерывать процесс было нельзя. Тевтоны, трудившиеся у стола, не останавливались. Один сосредоточенно качал меха сифона. Второй – поддерживал трубки и следил за уровнем жидкости в стеклянном сосуде.

А Всеволод уже шагал дальше – вглубь помещения – к закрытым плащами бочкам и бревнам. Так и есть! Не бочки это вовсе и не бревна.

Еще два трупа. Раздетые и обмытые. У одного разворочен живот. У второго – левое подреберье. Тоже испиты: крови – почти нет. Ждут своей очереди? Одежда и доспехи мертвецов лежали рядом. Судя по облачению, все трое – не какие-нибудь кнехты, а полноправные братья-рыцари ордена Святой Марии.

Поглощенные работой алхимики по-прежнему безмолвствовали, но из-за двери уже неслся злой приглушенный шепот:

– Русич! Вернись!

От бывшего радушия и сдержанности Томаса не осталось и следа. Замковый кастелян стоял с факелом у двери и исходил бессильной злобой.

Что ж, ладно, можно и вернуться. Теперь – можно. Вернуться и поговорить. Расспросить. Есть ведь о чем.

Всеволод вышел из лаборатории.

– Кто это? – он кивком указал на трупы.

– Брат Фридрих, брат Вильгельм, брат Яков, – недовольно процедил Томас.

«Три рыцаря, павшие во время последнего ночного штурма», – припомнил Всеволод.

– А я-то полагал, их отпевали в часовне.

– Отпевали. Но служба закончилась, и останки перенесены сюда, – совсем уж недружелюбно глянул на него кастелян.

– Зачем? Что здесь происходит?

– Как что? – вопросом на вопрос ответил Томас. – Тебе не приходилось присутствовать при бальзамировании трупов?

– Нет, – честно признался Всеволод.

Вообще-то об обычае готовить покойников к длительному хранению в могилах и склепах он слышал, но, сказать по правде, никогда его не понимал и не одобрял. Сказано ведь: прах – к праху, и чего тут еще мудрить?

– Так значит, – Всеволод поскреб в затылке, – значит, ваши алхимики...

– Да, – раздраженно перебил его кастелян, – этим они занимаются тоже.

Всеволод промолчал. Только в изумлении покачал головой. Порядочки, однако, в Закатной Стороже...

Голос Томаса сделался торжественным:

– Брата Фридриха, брата Вильгельма и брата Якова готовят к погребению. В их тела впрыскивают раствор, препятствующий тлению. Затем их облачат в боевые доспехи. А после все трое будут упокоены. Таково распоряжение мастера Бернгарда. И таков наш последний долг перед павшими.

Помолчав немного, однорукий рыцарь добавил:

– Бальзамирование следует завершить до возвращения магистра. Не будем мешать.

Так и не переступив порога, кастелян отступил от двери. Вздыхнул:

– Вам вообще не следовало бы смотреть на это. Все-таки вы...

Тевтон вновь умолк, не закончив фразы.

«Чужаки» – додумал недосказанное Всеволод. Да, они не являются членами ордена. И – да, пожалуй, пялиться на здешние предпогребальные таинства им не приличествует.

– Пора подниматься наверх, – сухо произнес Томас, закрывая дверь лаборатории.

Что ж, наверное, пора... Только вот...

Дернулось на сквозняке факельное пламя, бросило отблески дальше по галерее. Дальше был тупик. Заканчивающийся, как успел заметить Всеволод, глубокой, нишей. А в нише – еще одна дверь. Потяжелее и покрепче, чем все прочие в этом подземелье. И ведь нет, не показалось! В самом деле – дверь. Темнеющая железом, но не поржавевшая, сохранившаяся – сразу видно – в образцовом порядке.

Запертая дверь.

– Что там? – Всеволод шагнул в проход – посмотреть поближе.

– Нельзя! – преградил ему путь Томас. – Вот туда вам точно нельзя!

– Почему? – нахмурился Всеволод.

Опять какие-то секреты...

– Не нужно нарушать покой мертвых, – раздраженно ответил Томас.

– Мертвых? – Всеволод опешил. – Там что, тоже мертвые?

– Это склеп, русич. Своих павших братьев мы хороним здесь, а не на погосте за замковой стеной.

Ах, вот в чем дело... Очень удобно. Из алхимической мертвецкой – прямиком в склеп по соседству. Недалече выходит.

– К тому же у меня все равно нет ключа от этой двери, – добавил рыцарь.

– У замкового кастеляна нет ключа? – удивился Всеволод
– У кого же тогда ключ от склепа?

– У мастера Бернгарда, – ответил Томас. – Когда в склеп вносят павших братьев, он открывает дверь. Все остальное время склеп заперт. И это правильно. Зачем понапрасну тревожить останки благородных рыцарей?

– Хм-м, а останки неблагородных воинов? – прищурился Всеволод. Помнится ведь, помимо трех рыцарей прошлой ночью погибло еще девять человек. – Их вы хороните снару-

жи?

Томас нахмурился и поджал губы.

– Гибнут многие, однако для всех места в замковом склепе не хватит.

Понятно. Значит, погост за стеной...

– Каждого воина, павшего при обороне Зильбернен Тор, мы отпеваем, как доброго христианина и с почестями отправляем в последний путь, – заверил тевтон. – Но здесь, в подземельях замка, находят упокоения только полноправные братья ордена.

«Интересно, а куда положат моих дружинников? – подумал Всеволод. – И куда положат меня?»

Мысли в голове зашевелились не из приятных. Да уж, мысли... Бродить в темноте подземелий расхотелось напроць. Тем более лезть в склеп Серебряных Врат.

– Возвращаемся, – вздохнул Всеволод. – Веди нас обратно, брат Томас.

Чем дальше они уходили, тем более разговорчивей становился однорукий провожатый. Видимо, близость склепа, давящая атмосфера подземелий и угрюмое молчание спутников изрядно угнетали и его самого. К тому же тевтон явно чувствовал себя виноватым за непозволительный тон, которым, забывшись, заговорил с гостями. Все-таки подобным тоном с союзниками, призванными на помощь, не говорят. Вряд ли мастер Бернгард похвалил бы кастеляна за такое.

В общем, будто прорвало Томаса... Разгоняя тишину, и

стремясь хоть как-то сгладить неприятное впечатление от первого знакомства, кастелян говорил, говорил, говорил... Без умолку и без особого в общем-то веселья. Но много чего понарасказывал. И о Закатной Стороже, и о нелегкой жизни ее обитателей, и о нечисти, рвущейся по ночам из Проклятого Прохода. И о битве, конца которой не видно и победа в которой едва ли возможна. Разве что о замковом упыре кастелян ни разу не обмолвился. Впрочем, пустые слухи Всеволода не интересовали. Ему было интересно реальное положение дел.

Всеволод слушал немецкого рыцаря, не перебивая. Сага-адай и Золтан тоже внимали тевтону. Что ж, они ведь хотели узнать о тевтонской крепости как можно больше. И вот – узнавали. Из первых, что называется уст. От очевидца печальных событий и непосредственного их участника. От свидетеля Набега.

Брат Томас рассказывал...

Глава 11

Одиночки-волкодлаки, первыми миновавшие Проклятый Проход, не причинили большого вреда. Да, несколько раз оборотни нападали на тевтонские дозоры. Да, перекинувшись в человека, дважды проникали в замок, а ночью обрели звериную личину и...

И погибали под серебрёной сталью.

С вервольфами справлялись быстро. Одиночки потому что... Противостоять им орденские братья научились в считанные дни и с минимальными потерями.

Но волкодлаки ушли и за ними пришли упыри. С тех пор Серебряные Ворота находятся в странной осаде. Если, конечно, можно назвать осадой нескончаемые ночные штурмы с регулярными дневными перерывами.

Несметное темное воинство атаковало замок еженощно, однако каждое утро нечисть неизменно отступала. Потом все повторялось заново с ужасающим постоянством. Упыри приходили после заката и, оставляя под стенами цитадели горы трупов, уходили, прежде чем заря золотила снежные вершины горных хребтов. Но кровопийцы, однажды уже перешедшие границу обиталищ и уцелевшие во время штурма, обратно в свою неведомую Шоломонарию больше не возвращались. Перед восходом кровососы искали убежище по эту сторону рудной черты – в мире людей. Им годилось любое

укрытие, куда не проникают губительные для темных тварей солнечные лучи: пещеры, глубокие расщелины в скалах, подвалы брошенных домов, кладбищенские склепы, даже свежие могилы, в рыхлой земле которых легко было зарыться с головой.

Затаившись в дневных убежищах, твари дожидались следующей ночи. А дождавшись...

Одни присоединялись к новым полчищам, извергаемым Мертвым озером и шли на очередной штурм тевтонской Сторожи. Другие постепенно расползались по окрестностям и уходили вглубь страны на поиски иной добычи.

Ночь была временем нечисти, и часом испытаний для защитников крепости. Днем же... Днем воины Закатной Сторожи отдыхали, сколько могли, чинили поврежденные укрепления и хоронили павших.

А еще...

Днем, случалось, рыцари орденового братства квитались за ночной страх. Оставив в замке небольшой гарнизон, отрывая драгоценное время от сна и работы, тевтоны устраивали карательные вылазки.

Рыцари, оруженосцы и посаженные в седла кнехты совершали стремительные рейды по обезлюдевшим землям комтурии в поисках укрывшейся нечисти. Находили многих. А, обнаружив – безжалостно изничтожали.

Иногда достаточно было откинуть крышку подвала или взломать дверь набитого темными тварями кладбищенского

склепа – и дальнейшую расправу вершило солнце. Иногда саксы сжигали брошенные дома, в которых пряталось упыриное отродье. Иногда – забрасывались горящим хворостом гроты и пещеры, превратившиеся в дневные убежища крокопийц, до тех пор, пока обезумевшие, обожженные твари сами в корчах и муках не выползали из темных нор под солнечные лучи и клинки мстителей. В таких случаях визжащая нечисть, не видя и не слыша ничего вокруг, бросалась в последний бой без всякой надежды на победу или хотя бы на глоток алой теплой крови. Зато черная кровь лилась потоком. Лилась и испарялась на солнце.

Нередко тевтонам приходилось спускаться в темноту с факелом в одной руке и обнаженным посеребренным мечом – в другой. Чтобы достать, убить, добить. Чтобы напасть самими. Чтобы наверняка покончить с исчадиями темного обиталища. Тогда нечисть отбивалась – яростно, отчаянно, люто. Тогда и днем бывали потери. Редкие, небольшие, не в пример ночным, но да – случалось и такое.

...В этот раз вернувшийся из большой дневной вылазки отряд тоже привез раненого. В седле пошатывался, поддерживаемый с двух сторон оруженосцами молодой бледный рыцарь с жуткой раной под изодранной посеребрённой кольчужой. Страшный, судя по всему, был удар! И для попавшего под него, и для нанесшего. Нечисть бьет по жгучему серебру вот так, наотмашь, не жалея когтей и пальцев, либо в азарте битвы, чуя добычу и рассчитывая на живую кровь,

либо будучи загнанной в угол, когда ничего иного ей уже не остается.

Около полусотни тевтонских рыцарей, окруженных оруженосцами, конными стрелками и кнехтами въехали на замковый двор, когда закатное солнце уже красило горы багровым румянцем. Но время тьмы – настоящей, кишашей кровососущими тварями еще не наступило. Время было. На краткий отдых, скорый ужин и подготовку к ночному бою.

Раненого приняли орденский священник в белом плаще поверх черной рясы и лекарь-алхимик в грязном прожженном фартуке. Очень странно было видеть за одним делом этих двоих, которые в ином месте и при иных обстоятельствах чурались бы друг друга, как чет ладана, но сейчас, как и прочие тевтоны, именовали себя братьями.

– Раненого – в госпит! – распорядился Томас.

В следующую секунду однорукий кастелян затерялся где-то среди запыленных рыцарских плащей и усталых коней. То ли он забыл о гостях, то ли, наоборот – спешил доложить магистру о прибывших союзниках.

Клирик и знахарь увели, точнее, уволокли куда-то обвисшего у них на руках раненого рыцаря. Этого бедолагу темные твари до конца испить не успели, а значит, еще была надежда.

– Глянь-ка русич, – Золтан дернул Всеволода за рукав, – Кажись, по нашу душу.

Ага. Кажись...

Тяжело ступая в их сторону направлялся предводитель вернувшегося отряда. Глава Закатной Сторожи. Мастер Бернгард.

Рослого боевого коня магистра уже подхватили за повод, и тянули в сторону расторопные слуги. Благородное животное – цок, цок, звяк, звяк – степенно удалялось к конюшне. Красавец-конь! Весь в серебре: блестящий налобник с выступающим между глаз шипом, нагрудник – аж с тремя шипами, которые в бою заставят расступиться и людей и нелюдь. Вздвигающиеся бока прикрывала вплетенная в попону прочная сетка из спаянных воедино стальных и серебряных колец. На поводе и сбруе тоже побрякивали бляхи с насечкой белого металла. Даже подковы, как показалось Всеволоду, были подбиты посеребренными гвоздями. Что ж, копыто хорошего обученного коня в сече – тоже грозное оружие и подспорье всаднику.

Тяжелое длинное копье (серебро – на наконечнике и на осиновом древке. Таким, к примеру, можно пошурудить в какой-нибудь норе, где прячется от солнечного света упырь) магистра, а также его большой треугольный щит (густые серебряные нашлапки, а по центру – черный в белом окоме крест) держали оруженосцы, однако шагающий к гостям тевтонский старец-воевода вовсе не был безоружным.

Слева на рыцарской перевязи у Бернгарда висел длинный меч, едва не касавшийся ножами земли. Справа, на поясе, перетягивавшем добротную кольчугу двойного плетения с

частыми серебряными вставками и посеребренные бляхи нагрудника, покачивался узкий кинжал. На правом запястье в кожаной петле болтался увесистый шестопер, все шесть граней-перьев которого также украшала густая серебряная насечка.

Посеребренный горшкообразный шлем Бернгарда выглядел диковинно. Таких Всеволоду видеть еще не приходилось. В отличие от привычных глазу сильно сплюснутых сверху и наглухо закрывающих головы и лица шлемов-ведер прочих орденских рыцарей, этот имел округлую верхушку и был к тому же снабжен подвижной лицевой пластиной-забралом, сильно выступающей вперед.

Сейчас забрало было поднято, а лицо – открыто.

Лицо уверенного в себе человека. Лицо человека, способного заставить поверить в себя других. Лицо человека, знающего о многом.

Высокий лоб, горбинка на носу, резко очерченные скулы, выступающий вперед подбородок, плотно сжатые губы, умные колючие глаза в глубоких впадинах под кустистыми бровями. Борода и усы с обильной сединой – пострижены и ухожены, а не торчат клочьями по обычаю иных тевтонских рыцарей-монахов.

Бернгард на ходу снял и сунул кому-то из слуг шлем и толстый войлочный подшлемник. По запыленному плащу рассыпались волосы. Длинные, белые. Сплошь седые.

Магистр Семиградья, комтур Серебряных Ворот и член

генерального капитула ордена Святой Марии – мастер Бернгард, не подчинявшийся, по сути, ни орденскому гроссмейстеру, ни угорскому королю, ни Римскому Папе, но по своей лишь воле, охоте и разумению сдерживающий натиск тварей темного обиталища, был уже в преклонных годах.

Возраста орденский магистр – примерно того же, что и старец-воевода Олекса, однако и столь же крепок. Здоровья в этом широкоплечем, кряжистом, пышущим недюжинной силой старике было куда как больше, чем в окружавших его тевтонах – исхудалых, уставших, вымотанных, угрюмых.

Да и вообще мастер Бернгард своим обликом мало походил на чистокровного германца. Впрочем, на явного выходца из какого-либо иного знакомого Всеволоду народа – тоже. Сколько кровей и каких именно намешано в его жилах так сразу и не определишь. В то же время – Всеволод снова и снова ловил себя на этой мысли – Бернгард чем-то неуловимо напоминал Олексу. Только брови сведены сильнее и глаза смотрят суровее и жестче, чем у воеводы русской Сторожи. Что ж, Набег, ночные штурмы – понятное дело...

– Ну, здравствуй-здравствуй, рыцарь-русич, – голос мастера-магистра, обратившегося к Всеволоду, прозвучал глухо и басовито, будто тевтон говорил из-под опущенного забрала. Седая голова чуть качнулся в приветственном кивке. – Так это, значит, твоя дружина сегодня прибыла?

Пронзительные глаза Бернгарда смотрели испытующе. Всеволод тоже склонил голову, приветствуя хозяина зам-

ка. Поправил магистра:

– Наша.

– Что? – не понял тевтонский старец-воевода.

– Не моя, говорю, – наша дружина. В Сибиу-Германштадте к нам примкнул отряд татарской Сторожи-Харагуула.

Всеволод кивнул на Сагаадаю.

– Это предводитель татар. Сотник-юзбаши. Богатур Сагаадай.

Тевтон повернулся к кочевнику, еще раз качнул головой:

– Что ж, приветствую и тебя... э-э-э... благородный... доблестный... рыцарь... воин... богатур...

Ответный кивок татарского шлема. Сдержанный и почтительный. Молчаливый. Право говорить сейчас Сагаадай предоставлял Всеволоду.

– С нами также прибыли шекелиские воины, желающие биться с нечистью здесь, а не бежать от нее в неизвестность, – продолжил Всеволод. – Шекелисов ведет сотник Золтан Эшти – начальник горной заставы с Брец-перевала.

На Золтана Бернгард взглянул лишь мельком. Но все же и ему кивнул, приветствуя.

– Дошли не все, – счел необходимым сразу предупредить Всеволод.

– Знаю. Мне доложили. Господь, да позаботится о павших.

Бернгард молитвенно сложил руки и прикрыл глаза, но скорбел недолго – ровно столько, сколько того требовала

элементарная вежливость. Видимо здесь, в черном замке с серебряными вратами уже научились не тратить на скорбь много времени.

Глава 12

– И все же хорошо, что вы пробились, – суровое лицо предводителя тевтонов изменилось. Теперь мастер Бернгард улыбался. Почти весело, почти открыто, почти искренне. – Такая удача выпала не всем.

– Не всем? – нахмурился Всеволод.

О чем это он?

– Из Северной Сторожи до Серебряных Ворот добрались лишь два десятка израненных рыцарей. Остальные, вместе с вожаком-ярлом, пали в пути от клыков и когтей темных тварей...

«Ага, значит, есть еще и Северная Сторожа, – пронеслось в голове Всеволода. – Но два десятка... Это же почти ничего!»

– ...Помощь из Южной Сторожи не дошла вовсе.

«И Южная есть... И – не дошла... Вовсе...»

– Неужто, и их всех нечисть перебила? – сник Всеволод.

– Не нечисть – люди, – вздохнул Бернгард. – Сарацины, спешившие сюда, не смогли благополучно миновать Иерусалимское королевство⁵ и обойти границы Романии⁶. В боях

⁵ Владения крестоносцев в Палестине)

⁶ Романия, именовавшаяся также Латинской империей – недолговечное государство крестоносцев со столицей в Константинополе. Располагалось на бывших землях Византийской империи и просуществовало до середины тринадцатого

погибли все, кроме нашего гонца, посланного за подмогой на юг. Ему удалось вернуться.

Всеволод не сразу осознал, о чем речь. Осознав же...

– Сарацины?! – в изумлении воскликнул он. – Тевтонские рыцари призвали на помощь сарацин?!

Бернгард криво усмехнулся.

– Беда грозит всему людскому обиталищу. А в жарких песках Палестины, возле берегов Мертвого моря тоже имеется древняя кровавая граница, над которой стоит своя Сто-рожа. У магометан, как и у нас, есть воинское братство, посвященное в тайну темного мира. Туда-то, в это братство, я и посылал гонца. Набег есть Набег и сейчас нет большой разницы, кто встанет на пути нечисти – христиане или мусульмане. Пришло время позабыть былые распри. Разве не так, русич?

Всеволод кивнул. Ну да, пришло. Наверное. Раз уж в тевтонской крепости ради общего дела собрались и немцы, и русские дружинники, и степные язычники...

– Мы, татары, – начал перечислять Всеволод, загибая пальцы, – рыцари из северных земель, сарацины... Кто еще, мастер Бернгард? За кем еще были посланы гонцы?

– Ни за кем, – неожиданно сухо ответил немец. – Больше мы никого не ждем. Других дозоров на границе миров нет. А если даже и есть, то мне о них не ведомо.

– Значит...

Всеволод обвел растерянным взглядом крепостной двор, заполненный вооруженными людьми. Сейчас-то здесь было даже тесновато. Но вряд ли это надолго. Если никакой подмоги больше не будет.

– Значит...

Бернгард ждал – вежливо и терпеливо.

А подмоги – не будет.

– Значит, это все? – Всеволод неопределенно махнул рукой вокруг.

– Это значит, что, благодаря вам, гарнизон крепости стал многочисленнее, чем прежде, – тевтон снова улыбался. Правда, натянуто и скупое. – Нас сейчас даже больше, чем было в начале Набега. Ненамного, но все же больше.

– Но твари темного обиталища – их-то меньше не становится, – хмуро заметил Всеволод.

– Не становится, – согласился Бернгард. – Каждую ночь их тоже становится больше.

– А вы...

– А что мы? Мы в меру своих сил уничтожаем нечисть.

– Убиваете одних, освобождая место для других?

– Это не самое важное.

– А что же тогда важно?

– Что замок по-прежнему в наших руках. И что есть еще, кому его защищать. И пока дело обстоит так, будет и надежда.

– Какой в ней прок, в той надежде? – невесело усмехнулся

Всеволод. – Рано или поздно Серебряные Ворота падут. Так есть ли смысл удерживать обреченный замок.

– Обреченный? – тевтонский магистр сдвинул брови. – В твоём сердце говорит страх, русич?

Всеволод покачал головой:

– Непонимание. Отсиживаться по ночам за стенами, теряя бойцов и растрачивая драгоценное время на дневные вылазки – неразумно.

– Вообще-то днем мы истребляем нечисть десятками, а то и сотнями.

– А ночью приходят тысячи, да, мастер Бернгард?

– Что ты предлагаешь?

– Действовать. Напасть самим. Пробриться через границу миров...

Сагаадай и Золтан, слушавшие их разговор, чуть придвинулись к Всеволоду. Оба тем самым будто без слов выражали ему свою поддержку.

– И? – с вежливым интересом поинтересовался Бернгард. – Что дальше?

– Сделать то, что следовало делать с самого начала, – с вызовом бросил Всеволод. – Пока еще не поздно... пока не стало совсем поздно.

– Что именно? – мастер Бернгард смотрел на него уже со злой насмешкой. – Что – сделать?

– Если темные твари приходят в наш мир, нам тоже нужно найти способ, чтобы... – Всеволод выдержал паузу и закон-

чил: – Чтобы проникнуть в их мир.

– Думаешь, там, на земле темного обиталища, в открытом поле мы перебьем больше нечисти, чем здесь, за Серебряными Воротами?

– Там у нас будет шанс устранить главную опасность.

– Да? В самом деле?

– Черный Князь! – горячо воскликнул Всеволод. – Его следует убить там, прежде, чем он появится здесь.

– Черный Князь? – Бернгард поднял бровь. – Ты, вероятно, говоришь о...

– О Черном Господре – так называют его угры, – не очень вежливо перебил Всеволод убеленного сединами собеседника. – Волохи именуют его также Шоломонаром и Балавром. Татары – Эрлик-ханом. Вы же, немцы, зовете его Нахтриттером, Рыцарем Ночи.

Тевтонский магистр глубокомысленно кивнул:

– У него имеются и иные имена и прозвища. Царь-змея, Василиск который есть Гебурах, воплощение пятого Сефирота власти – власти ненависти, разрушения и тьмы...

– Гебурах? Сефирот? – насупился Всеволод. Слова были незнакомыми и пугающими. Но бесстрастно-холодный тон тевтонского магистра пугал еще больше.

– Я использую древний язык каббалистов и магических трактатов гримуаров, – объяснил Бернгард.

– А-а-а, – с кривой усмешкой протянул Всеволод. – Выходит, во главе эрдейской комтурии стоит маг и каббалист?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.